www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Страсти-мордасти рогоносца

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Дарья Аркадьевна Донцова

Страсти-мордасти рогоносца

Серия «Татьяна Сергеева. Детектив на диете», книга 21

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074921
Страсти-мордасти рогоносца : роман / Дарья Донцова: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-92386-1

Аннотация

Татьяна Сергеева наконец-то увидела Гри! Но эта встреча не принесла ей ничего, кроме легкой печали, – все в прошлом. Бывший муж, которого и не узнать в новом обличье, умер для нее, она любит другого мужчину и недавно вышла за него замуж. Да и мысли ее заняты новым расследованием: в отеле «Лесной парадиз» странным образом ушли из жизни супруги Ткачевы. Хотя почему странным? Местным полицейским все ясно: муж погиб в ДТП, а у жены с горя случился инфаркт. Но сотрудники бригады Сергеевой быстро «нарыли» несоответствия официальной версии. Вот только никак не поймут: при чем здесь футбольный мяч первого датского короля?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	57
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	81
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Дарья Донцова
Страсти-мордасти рогоносца

© Донцова Д. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Человеческий ум способен на многое, а человеческая глупость вообще не знает границ…

Я посмотрела на гору разбитого кафеля и спросила у парня в комбинезоне, который стоял неподалеку:

– Николай, почему дорогая плитка превратилась в крошево?

Мастер развел руками:

– Ну… как-то так… вот… случилось.

– А почему это самое «как-то так вот» случилось? – не успокаивалась я.

– Домкрат упал, – нашел ответ мастер и показал пальцем в потолок. – Высоко все же. Вы женщина, поэтому физику не знаете. А я МАИ окончил, самолет могу спроектировать и объяснить, по какой причине довольно увесистая железка произвела эти разрушения. Все дело в силе тяжести…

Я молча слушала неторопливую речь. Очень надеюсь, что Николай никогда не займется самолетостроением, а если все же склепает лайнер, добрый Боженька помешает мне, Татьяне Сергеевой, приобрести билет именно на него. Хотя… собственно, сей летательный аппарат никогда не увидит неба – он развалится в тот момент, когда в него загрузят багаж. Стопроцентно у этого самолета отвалится дно!

– Если умножим вес домкрата на восемь целых и семь со-

тых, – вещал тем временем «инженер», – то станет ясно, что весит он уже не десять кило, а…

– Николай, – перебила я парня, – вы правы, я по образованию преподавательница русского языка и литературы, физика вкупе с математикой находятся за гранью моего понимания, но даже я знаю, что если домкрат сбросить из квартиры на верхнем этаже вниз, то он станет похож на бомбу.

Выпускник МАИ снисходительно улыбнулся.

– Татьяна, этот инструмент не может взорваться! По второй специальности я взрывотехник и могу рассказать…

Тяжело вздохнув, я оборвала болтуна:

– Вообще-то не о домкрате речь. Вас наняли, чтобы соорудить лестницу, которая должна соединить две квартиры: ту, где сейчас мы находимся, и верхнюю. Вы обещали выполнить работу быстро, качественно и недорого. Но пока у вас все наоборот: медленно и…

– Быстро хорошо не получится, – перебил парень.

– За две недели вы пробили дыру в потолке, – продолжала я, – потом почти двадцать дней отсутствовали.

– В этом грипп виноват, – надулся Николай, – я подцепил вирус и свалился. С каждым случиться может. И с вами тоже.

Я откашлялась.

– Сегодня, явившись наконец-то на работу, вы сбросили из верхней квартиры домкрат, который, естественно, разбил массу дорогой плитки, упаковки которой стояли на полу. Подчеркиваю: домкрат не упал, вы его скинули.

– Нет, – возразил Николай, – он сам шлепнулся.

Показав пальцем на потолок, я покачала головой:

– Теперь из-за дыры слышимость между двумя помещениями прекрасная. Незадолго до падения домкрата я услышала ваш диалог с рабочим. Тот сказал: «Пойду отнесу инструмент вниз». А вы ответили: «Незачем бегать, скидывай».

Николай насупился.

– Ну да, беседовали мы. Только гляньте-ка сюда. Видите, к гидроподъемнику веревка привязана? Вот тут…

– И что? – не поняла я.

– Я велел Андрею инструмент на канате спустить, а тот некачественным оказался, лопнул.

– Канат? – возмутилась я. – Это же бечевка!

– Вовсе нет, – заспорил Николай. – Знаете ли вы, что такое бечевка? Я когда-то практику на веревочной фабрике проходил, сейчас объясню…

– Вот здорово! – восхитилась я. – Вы и самолет можете построить, и взрыв устроить, и шпагат сделать – на все руки мастер! Жаль только, руки ваши растут из того же места, что и ноги.

В этот момент на столе зазвонил городской телефон, я взяла трубку и обрадовалась:

– Рина! Как дела?

– Супер! – ответила свекровь.

Но ее голос показался мне слишком бодрым, поэтому я

осторожно спросила:

– Ноги болят?

– Вовсе нет! – радостно закричала во всю мощь свекровь. – У меня такой гипс – весь в веселых картинках! А как там кабачки?

– Кабачки бегали, потом поели, теперь спят, – отрапортовала я.

– Можешь их фото мне послать?

– Конечно, – пообещала я.

– Надень на них шляпки. И галстуки.

– Где одежда для кабачков? – уточнила я.

– В прихожей в шкафу. Ремонт продвигается? – поинтересовалась Рина.

– Николай сбросил вниз домкрат и разбил целую упаковку плитки, – наябедничала я.

– Вот пакостник! – возмутилась Рина. – Танюша, иди на кухню. В левом нижнем ящике большого стола лежит новый пистолет. Думаю, он поможет тебе в ситуации с мастером. Заодно и опробуешь его. Только не забудь про патроны. Бери самый крупный калибр, те, что на слона.

– Хорошая идея, – обрадовалась я.

Николай ойкнул и бросился в коридор.

– Эй, вы куда? – закричала я.

Раздался хлопок входной двери.

– Что там у тебя? – полюбопытствовала Ирина Леонидовна.

– Он убежал, – протянула я. – Почему?

Рина расхохоталась:

– Стопудово ты забыла, что у трубки постоянно громкая связь сама по себе включается.

– Действительно, – протянула я, – ваш голос просто гремел, но я подумала, что вы, как всегда, храбритесь, не хотите показывать, как вам больно, вот и разговариваете чересчур бодро.

– Мне не настолько больно, – сказала свекровь. – В самом деле я прикидываюсь веселой, но только когда мне совсем плохо, сейчас же вполне терпимо. Николай услышал мои слова про пистолет…

– И решил, что вы советуете его убить, – догадалась я.

Ирина Леонидовна расхохоталась.

– А до этого я тебя спрашивала о кабачках. Что такое кабачок?

– Овощ, – засмеялась я. – Еще вы поинтересовались, как они поживают, попросили прислать их фото в шляпах и галстуках…

– Ага! – веселилась Рина. – В ответ ты спросила, где одежда для кабачков. К тому же пистолет… Ой, не могу! Мастер решил, что хозяйки на всю голову больные и жутко агрессивные. Он-то не знает, что это пистолет для склеивания плитки. Я его по интернету заказала. Продавцы пообещали, что даже следа не останется. И посоветовали заряжать его самыми мощными пулями с клеем, мол, те даже слона склеят.

Помнишь, как пистолетом пользоваться?

– Да, – подтвердила я, решив не говорить Рине, что сей прибор никогда не склеет осколки, усыпавшие сейчас пол, в целую плитку.

Кстати о пистолете. У нас уже много чего пылится на антресолях – автоматическая овощечистка, машинка для стирки с помощью радиоволн, кружка, которая автоматически подогревает содержимое… Теперь туда же отправится пистолет для склеивания плитки. Просто удивительно, до чего наивной может быть умная женщина. Рина всякий раз попадается на рекламу в интернете. Пистолет она приобрела в преддверии ремонта и горит желанием его опробовать. Не стану ее огорчать.

– Танюсик, слышу, у тебя мобильный вопит, перезвоню потом, – скороговоркой выпалила свекровь и отсоединилась.

Я вытащила из кармана сотовый и, глянув на экран, сказала:

– Привет! Николай разбил домкратом плитку и сбежал.

– Ну и фиг с ним, – ответил Иван, – другого найдем. Он большую дыру в потолке расковырял?

Я подняла голову, увидела, что из отверстия высовываются две головы с задорно поднятыми ушами, и вытянула вперед руки, заорав:

– Кабачки, нет!

Сотовый упал на руины плитки, а в мои объятия шлепнулся сначала один, потом второй кабачок. Ноги подогнулись, и

я плюхнулась на пол.

– Что там? – нервничал мобильный, который, вот удивительное дело, не пострадал.

– Кабачки упали, – простонала я.

– Они живы? – перепугался Иван.

– Я успела их поймать, – ответила я.

– Вот же дураки! – в сердцах воскликнул Иван.

Я попыталась унять дрожь в теле.

– Наоборот, слишком умные. Я посадила их в загон, заперла дверцу, а они ее умудрились открыть.

– Да уж, подарила нам Вера Гавриловна забаву, – засмеялся Иван. Затем посерьезнел. – Совещание через два часа. Разбирайся с кабачками и приезжай.

Я посмотрела на замолчавший мобильный, затем на двух притихших щенков – французских бульдогов. Похоже, Мози и Роки слегка испугались, спланировав с потолка.

Откуда у нас собаки? Сейчас расскажу. У моей свекрови Ирины Леонидовны по разным причинам нет большого количества закадычных приятельниц, но просто знакомых у нее масса. Многим Рина кажется беззаботной болтушкой, например, она охотно разговаривает с продавцами в магазине, отчего производит впечатление доброй, слегка глуповатой дамы. Но последнее заключение в корне неверно, уму Ирины Леонидовны можно только позавидовать (ее любовь покупать в интернете всякие «полезные» механизмы не в счет). Телефонная книжка у свекрови толщиной с Большую

советскую энциклопедию, и если кому-то что-то нужно, Рина перелистывает странички, мигом находя правильный номер.

К уму матери Ивана прилагается еще и память, как у компьютера. Она помнит о днях рождения всех своих знакомых и поздравляет их вовремя. Но к главным достоинствам моей свекрови относится другое – Рина никогда не проронит лишнего слова. Да, да! Ее говорливость распространяется исключительно на темы кулинарии, домашнего хозяйства, моды, косметики. И все! Вы и под пытками не выжмете из нее даже крохотную каплю информации о нас с Иваном, то есть о нашей работе. Мало кто умеет так держать язык за зубами, как Ирина Леонидовна.

Подруг, с которыми Рина общается иначе, чем со всеми, всего две, обе они работают в нашей системе. Вера Гавриловна – костюмер и гример в одном пакете. Причем большой мастер своего дела. Агентам порой приходится менять внешность; если возникнет необходимость сделать, скажем, из меня, девушки крепкого телосложения, худосочного парня-негра, – поверьте, Пашкова справится с задачей блестяще. На мою свадьбу она так одела и накрасила меня, что я выглядела восемнадцатилетней красавицей.

Кстати! Мы с Иваном не устраивали пышного торжества. Более того, никто из членов моей бригады до сих пор понятия не имеет, что их босс Татьяна Сергеева теперь любимая жена Верховного главнокомандующего всей системы, чело-

века, который создал структуру бригад. Мы решили, что эта информация помешает работе. Поэтому не носим колец. И никто, даже Димон, мой ближайший друг, не в курсе, что я теперь замужняя дама. Правда известна только Вере Гавриловне, но она была одной из тех, кто работал в самой первой, созданной много лет назад бригаде. Ее можно разрезать на кусочки – она никому и слова не скажет.

После церемонии в загсе мы с Иваном, его мамой и Верочкой отправились в небольшой ресторан. Пашкова отошла на минуту, вернулась с большой переноской и вытащила оттуда двух щенят французского бульдога.

– Какие красивые… кабачки! – обрадовалась Рина.

– Почему кабачки? – удивилась я.

– Посмотри, они же очень на эти овощи похожи, – засмеялась Ирина Леонидовна. – Тоже крепенькие, толстенькие, ровненькие.

– Только не зеленые, а коричневые, – улыбнулась Вера. – Их зовут Рокет и Мозеф, сокращено Роки и Мози.

– Возьми их на руки, Танюша! – велела свекровь.

– Они нам? – испугалась я. – В подарок?

– Нет, – успокоила меня Вера Гавриловна, – кабачки – презент Рине на вашу с Иваном Никифоровичем свадьбу. Она всю жизнь о собаке мечтает, да никак не заведет.

Вот так у нас в конце лета появились кабачки, которые первый месяц вели себя тихо-тихо, в основном ели и спали. Я уж было решила, что щенки – это совсем не страшно,

как вдруг в середине сентября Роки и Мози начали бодро носиться по квартире и отчаянно безобразничать. Злиться на щенят невозможно, они невероятно умильные. И хитрые: нашкодят, а затем со всех лап бегут к хозяевам извиняться. Ни я, ни Иван, ни тем более Рина не способны отругать или отшлепать мелких хулиганов, которые ухитряются одновременно оказаться в разных концах квартиры и натворить там дел.

Незадолго до свадьбы Иван купил апартаменты, которые расположены на этаж ниже, чем квартира Ирины Леонидовны. Мы с мужем будем там жить. Жилплощадь давно не использовалась, прежний владелец отбыл в Лондон, много лет не появлялся в Москве. Иван нашел его контакт, и вскоре мы стали обладателями хором. Слава богу, масштабный ремонт не понадобился, его в свое время сделал первый хозяин незадолго до того, как отправиться в Англию. Но Рина попросила соорудить лестницу, которая соединит наши квартиры.

– Неудобно будет ходить друг к другу через подъезд, – резонно заметила она.

Нам с Иваном идея показалась здравой, муж нашел мастеров. Понедельник, когда я впервые увидела Николая с помощником, оказался воистину тяжелым. Ирина Леонидовна побежала в супермаркет (именно побежала, она не умеет степенно ходить, как другие дамы), поскользнулась, упала и сломала обе ноги. Слава богу, врачи уверены, что ничего серьезного нет, обычные переломы лодыжек. Но даже про-

стая травма причиняет большое количество неудобств. Рина лежит в больнице, я приглядываю за кабачками, пытаюсь наблюдать за строительством лестницы и, конечно, работаю. Вот и сейчас мне уже пора отправляться на совещание.

Я подхватила присмиревших щенков, отнесла их наверх и посадила в загон, напоминающий клетку без крыши. Щенята уставились на меня своими печальными глазами.

– Не стройте из себя несчастных сироток, – засмеялась я, – не давите на жалость. У вас есть все необходимое – автопоилка и сенсорный раздатчик еды. Ни от голода, ни от жажды вы страдать не будете. Матрасик мягкий, бумажная пеленка для пописа чистая, игрушек полно. Счастливо оставаться.

Задвинув засов, я пошла к выходу, но вдруг подумала: а ведь кто-то из братьев сегодня уже один раз ловко открыл его, малыши свалились в дыру в полу, и хорошо, что я успела их поймать. Поэтому я сходила на кухню за веревкой, чтобы еще и привязать дверцу. Теперь-то уж кабачки точно из загона не выберутся!

Глава 2

Когда я вошла в переговорную, вся бригада во главе с Иваном уже разместилась за круглым столом. В красном кресле гостя скрючилась худенькая шатенка лет сорока.

– Отлично, все на месте. Гелена Валентиновна, разрешите представить вам Татьяну Сергееву, начальницу особой бригады, – сказал Иван Никифорович.

– Простите за опоздание, – извинилась я, устраиваясь на своем месте.

Любаша Буль, наш эксперт, показала на настенные часы.

– Танюша, ты появилась минута в минуту, это мы раньше собрались.

Я открыла свой айпад и мысленно поблагодарила Эдиту, нашего компьютерного гения. Булочкина – вундеркинд, она успела к своим двадцати с небольшим годам окончить два высших учебных заведения и поработать в разных местах. Эдита прекрасно знает, что я не могу сразу запомнить имя-отчество клиента, поэтому сейчас на экране появилось сообщение: «Она – Гелена Валентиновна Родионова. 42 года. Не путай с Еленой. Не Елена – Гелена».

Я задумчиво посмотрела на посетительницу, затем обратилась к ней:

– Итак, Елена Валентиновна…

– Гелена, – поправила клиентка. – И лучше давайте без

отчества, можно просто Геля.

Моя нога ощутила тычок. Похоже, это Эдита пнула меня под столом.

– Простите, Гелена, – смутилась я. – Так что у вас случилось?

– Натуральная жуть, – всхлипнула клиентка и заломила руки.

– Думаю, вы не откажетесь от чашечки ароматного чая? – произнес Александр Викторович Ватагин, поднимаясь с места и направляясь к стоящей у стены кофемашине.

– Я не употребляю кофе, – остановила нашего психолога Родионова.

Ватагин нажал на красную кнопку.

– Я использую этот агрегат просто для кипячения воды. Вам зеленый чай, красный, черный, белый или фруктовый? Эдита снабжает нас потрясающими сортами чая.

Булочкина улыбнулась и сказала:

– Я знаю, где надо брать хороший чай.

– Иногда сам чай отменный, но его в магазине рядом с мылом хранят, вот он и приобретает его запах и вкус, – поморщилась Аня Попова.

– Гелена, – перебила я своих беззаботно щебечущих сотрудников, – что привело вас к нам?

Родионова горестно вздохнула и стала излагать свою историю.

…Гелена владеет отелем в Подмосковье, который пози-

ционирует себя как место, где ничто и никто не помешает отдыху постояльцев. Гостиница находится в лесу, на берегу большого чистого озера. Вместо большого корпуса здесь маленькие домики с разным количеством комнат, кухней и ванными. Если хотите, можете готовить сами, в шкафах есть необходимая посуда. А если вам лень топтаться у плиты, то смело идите в ресторан, кафе, кондитерскую, буфет. Не намерены сидеть в общем зале? Заказ доставят в коттедж. Отель пользуется популярностью у тех, кто не желает быть на виду во время отпуска, домики часто арендуют политики, актеры, прочие публичные личности, которые… Ладно уж, скажем честно: медийные лица прикатывают в «Лесной парадиз» отнюдь не с женами-мужьями. А кое-кто прибывает в одиночестве, и для таких клиентов в эскорт-службе отеля есть юноши-девушки, женщины-мужчины и даже бабушки-дедушки…

– Бабушки-дедушки? – перебив рассказчицу, удивилась Буль.

Гелена скромно потупилась.

– Вкусы у всех разные, некоторым мужчинам нравятся дамы, которые справили шестидесятилетие. Я не интересуюсь, чем мои клиенты за закрытыми дверями занимаются, лишь выполняю их просьбы. Но – в пределах морали и закона. Если кавалер в возрасте пожелает проводить время в компании юной девочки или мальчика, в этом случае я откажу. Наркотики тоже под запретом. Если гость все-таки решит поба-

ловаться запрещенными препаратами, а горничная доложит мне об ампулах в мусоре, замечания ему не сделают. Но в следующий раз я его просто не приму.

Я внимательно слушала Родионову, а та наконец добралась до сути дела.

…Несколько дней назад в «Лесной парадиз» прибыла пара, которая зарезервировала двухкомнатный коттедж, находящийся в самом укромном месте. В отличие от большинства постояльцев Тоня и Тихон Ткачевы не прятались. Они охотно посещали ресторан, кафе, гуляли по саду, общались с обслугой. Ткачевы на самом деле были семейной парой, они просто решили отдохнуть.

– У вас такой прекрасный бассейн, а народа совсем нет! – восторгалась Тоня.

– Отличный спортзал, и совсем пустой! – восхищался Тихон.

Ткачевы понравились хозяйке и всему персоналу – интеллигентные, воспитанные люди. Они не капризничали, не унижали горничных, не материли официантов. Их коттедж не напоминал свинарник, не было никаких пустых бутылок и мусора, разбросанного где попало. Семейная бездетная пара среднего достатка. Тихон преподавал историю в каком-то институте, как-то раз он похвастался Гелене, что имеет диплом кандидата наук. Антонина работала реставратором древних книг и летописей. Как понимаете, много супруги не зарабатывали. Ткачевы были хорошо, но не супермод-

но одеты, имели вполне приличный, но бюджетный автомобиль.

Семейная пара прекрасно проводила время. И вот однажды утром муж поехал в Москву, благо столица находится в получасе езды от гостиницы. Антонина отправилась на прогулку, поплавала в бассейне, посетила спа, позавтракала-пообедала, выпила кофе. В общем, провела день, как обычно. Вечером, придя в местный ресторан, она сказала:

– Что-то скучно стало.

Официантка произнесла какие-то дежурные слова и поинтересовалась:

– Одна ужинать будете или мужа подождете?

– Не знаю, – растерянно ответила Антонина. – Тихону уже давно пора вернуться, а его все нет и нет…

На следующее утро дежурный администратор сообщила хозяйке гостиницы, что Ткачев так и не появился, Антонина рыдает на ресепшен, просит вызвать сыщиков.

Естественно, меньше всего Родионова хотела видеть в своем уютном отеле парней в форме, которые со всей полицейской деликатностью станут бесцеремонно стучать в номера, опрашивать постояльцев. Но Гелена Валентиновна владела «Лесным парадизом» не первый год, поэтому отлично понимала: в отеле может произойти все что угодно. На такие случаи у нее был под рукой милейший Федор Кузьмич Панкин, адвокат, способный решить разные деликатные и неделикатные проблемы.

Родионова усадила Антонину в кафе, велела напоить ее чаем за счет заведения, связалась с Панкиным, а тот через пару часов сообщил скорбную весть: Тихон Матвеевич погиб. Вчера в районе села Двойкино, где проселочная дорога идет под уклон, автомобиль Ткачева влетел в трансформаторную будку. От удара машина загорелась, затем взорвалась. Зарево видели местные жители, один из сельчан пошел посмотреть, что случилось, вызвал пожарных, те прикатили через час, кликнули полицию… Короче, останки Тихона Ткачева находятся в морге больницы городка Кунаево.

Глава 3

Несмотря на то что от мужа мало что осталось – тело разметало взрывом, – Тоня легко опознала его по необычной обуви – сине-красным ботинкам.

В морг вместе с Антониной поехали Гелена Валентиновна и Федор Кузьмич. Родионовой было очень жаль Ткачеву, которая, услышав ужасную весть, окаменела, даже не смогла заплакать. Вдова порылась в шкафу, достала из вещей черный платок, повязала его и превратилась в зомби: велели ей сесть на стул – и она молча на него опустилась; попросили пройти в машину – и Тоня пошагала. Родионова, сидя в авто около бедняжки, взяла ее за руку и попыталась утешить. Она говорила какие-то слова, Антонина смотрела в окно, а потом вдруг пробормотала:

– Какая красота кругом… Бедный мой Тиша, последнее, что он видел в жизни, была грязная дверь с нецензурным словом.

Гелена подумала, что супруги, гуляя в последний раз по округе, наткнулись недалеко от отеля на ветхий сарай, невесть кому принадлежавший. Строение постепенно разваливается, и хулиганы постоянно пишут на его стенах ругательства. Родионовой очень не нравится, что около ее гостиницы находится такая «красота», но поделать ничего не может. Она хотела даже купить сарай, чтобы снести его, но ей

не удалось узнать, кто владелец постройки. Услышав слова вдовы, Гелена Валентиновна чуть не заплакала от жалости к ней и пробормотала:

– Нет, нет. Тихон Матвеевич перед кончиной наслаждался видом прекрасного заката.

Антонина ничего не сказала, все так же молча глядя в окно.

Когда вдову и сопровождающих провели в морг, Родионова возмутилась:

– Вам не стыдно родственников в таком помещении принимать? Каталки с трупами повсюду, запах ужасный, от патологоанатома спиртным несет. В кино совсем по-другому опознание выглядит.

– Здесь не фильм, а реальная жизнь, – огрызнулся мужчина в мятом халате. – Наш морг один на кучу окрестных деревень и городков, построен почти шестьдесят лет назад. Недовольны нами? Ступайте к главврачу, ему и жалуйтесь.

Когда санитар откинул простыню, Антонина закричала, а Федор Кузьмич крякнул:

– С ума сошли вдове такое показывать? Берите анализ ДНК для опознания.

– Деньги на исследование вы дадите? – надулся врач. – У нас ограниченный бюджет.

– В данном случае все ясно: обычное ДТП, водитель не справился с управлением. И сомнений в личности Ткачева нет. Машина зарегистрирована на его имя, к тому же рядом с

местом аварии нашли портфель с вещами Тихона, его взрывом выкинуло, а там были паспорт с его фамилией, связка ключей, видимо от квартиры, кредитка, – пояснил юный полицейский, которого отправили в морг проводить тягостную процедуру.

Во время разговора Гелена Валентиновна изо всех сил старалась не смотреть на таз, где были сложены фрагменты тела погибшего, и не знала, куда деть глаза.

– Это точно Тихон, – вдруг громко сказала Антонина, – вон видите, ступня в сине-красном ботинке. Обувь я мужу купила. Она эксклюзивная, ее из-за границы одна женщина своему сыну привезла, а ему размер не подошел…

Тут Родионова замолчала. Я подождала некоторое время, потом спросила у Гелены:

– А от нас вы чего хотите? В чем проблема?

Она сделала глоток чаю.

– Полиция быстро признала смерть Тихона Матвеевича результатом ДТП. Ткачев выпил…

– Погибший был под воздействием алкоголя? – быстро спросил сидевший до сих пор тихо Валерий Крапивин.

– Судя по тому, что я сейчас читаю в отчете, да, – ответила вместо клиентки Эдита, уставившись на экран одного из своих ноутбуков. – В документе есть замечательная фраза: «В результате обнюха частей тела ощущается резкий запах гари и алкоголя».

– Обнюха тела? – повторила Буль. – Обнюх? Я думала, что

уже все слышала и видела, помню разные восхитительные фразы из отчетов коллег. Ну, например: «В крови мертвого трупа не обнаружено ни водки, ни табака, ни побоев». Но обнюх тела – это сильно. Они вскрытие делали?

– Нет, – ответила Эдита. – Местным сыщикам и так все ясным казалось. Денег у них на анализы кот наплакал, бюджет крохотный, а в случае с Ткачевым никаких загадок не было.

Гелена отодвинула от себя пустую чашку.

– Я тоже подумала, что Тихон Матвеевич развязал.

– Погибший раньше пил? – спросила я.

– Ткачевы выглядели достойно, – вздохнув, принялась объяснять хозяйка отеля, – но было понятно, что они небогаты. Вещи Антонина носила новые. У нее, например, есть розовое болеро, очень модная в нынешнем сезоне модель. Только сразу видно: красивая обновка, но дешевая, не от Шанель и не от Дольче-Габбана. Антонина рассказала горничной, которая убирала их коттедж, что поездка в «Лесной парадиз» – это подарок мужа на годовщину знакомства. И я решила сделать им сюрприз – утром Ткачевым принесли ваучер на бесплатные коктейли в баре в течение всего срока их пребывания.

– Очень щедро, – отметил Александр Викторович, – обычно администрация дарит постояльцам один счастливый день.

Родионова улыбнулась.

– Я понимала: они много не выпьют, ну по бокалу за ужином. Однако Антонина вернула презент. Пришла ко мне в офис и смущенно объяснила: «Не подумайте, что я неблагодарная. Очень приятно, что вы по отношению к нам с мужем внимание проявили, но, видите ли, дело вот в чем. Тиша на заре нашего брака начал пить, и мы чуть не развелись. Потом он взял себя в руки, преодолел зависимость, более не прикасался к бутылке. А десять лет назад мы поехали к близким друзьям на юбилей. Отмечали его в ресторане, Тихон попросил безалкогольный мохито, а ему по ошибке принесли коктейль с ромом. Когда я поняла, что происходит, было поздно, муж уже опьянел. На следующий день он купил бутылку водки… Начался кошмар, Тихон ушел в запой. И еле вынырнул из него, снова кодировался. Я теперь постоянно на страже, боюсь рецидива, поэтому, извините, вынуждена отказаться от вашего щедрого подарка».

Гелена Валентиновна взяла в руки чайную ложечку и начала ее вертеть.

– Мой покойный муж тоже был алкоголик. Он регулярно зашивался, ходил к гипнотизеру, пил всякие таблетки, травы, честно пытался побороть страсть к спиртному, но всякий раз срывался. Перед смертью почти пять лет ни капли в рот не брал, шарахался даже от кефира и кваса. А потом добрые дружки его пивом угостили – и все, слетел мой Женя с катушек. Хватанул стакан водки и умер от сердечного приступа.

– Такое бывает с алкоголиками, – грустно заметила Буль. –

«Развязка» – сильный удар по сосудистой системе, много мужчин погибает из-за того, что после нескольких лет трезвой жизни они выпивают всего-то пару рюмочек.

Родионова кивнула.

– Именно это мне кардиолог в больнице и сказал. После того как Ткачева про своего мужа и болезнь рассказала, я ее еще больше пожалела. Потому и не удивилась, когда услышала, что погибший под воздействием спиртного был. Знаете, я как раз в день трагедии столкнулась с Антониной – она мужа проводила и в домик шла. Я ее спросила: «Временно остались одна?» Ткачева ответила: «Да, у Тихона дела неожиданно образовались». А потом добавила: «К врачу ему надо заглянуть, что-то сердце ночью сильно щемило». Понимаете, да? Скорей всего, Ткачев опять пить начал, супруги поругались, и Тихон умчался. Никаких дел у него не было. А может, и впрямь дискомфорт ощутил. Но все же я думаю, что они повздорили, иначе б Антонина вместе с Тихоном в клинику подалась. После посещения морга она была в жуткой растерянности, и я предложила ей остаться в отеле.

Гелена Валентиновна покачала головой.

– Я представила себя на ее месте: муж погиб страшной смертью, я с ним поругалась, и теперь уже не помириться, надо заниматься похоронами, сейчас вернусь домой, а там чашка супруга, его одежда, половина кровати ночью пустая… Жуть! Ну и сказала Ткачевой: «Тонечка, переночуйте сегодня в гостинице бесплатно. Подумайте спокойно, к кому за

помощью и поддержкой обратиться можете, позвоните этим людям, пусть они вас завтра заберут». Она согласилась. Я попыталась накормить ее ужином, но Ткачева плохо себя чувствовала, голова у нее кружилась, ноги дрожали. Я вызвала к ней нашего доктора, та измерила давление. Слегка высоковатое оказалось, но совсем не страшно. У меня очень хороший врач, завотделением в московской клинике. Вернее, у меня несколько медиков работает, они по очереди дежурят. В тот день была Валентина Николаевна, она посидела около Антонины, пока та не уснула, а потом зашла ко мне: «Сильный стресс у женщины, – сказала она. – Я посоветовала вдове завтра обратиться к своему врачу. Она сказала, что такового у нее нет, и я пригласила Ткачеву в нашу клинику».

Родионова сделала глубокий вдох.

– А утром горничная нашла Антонину мертвой. И понеслось!

Хозяйка отеля махнула рукой.

– Кончину Тихона мне от других гостей скрыть удалось. Собственно, это не трудно было – постояльцы по своим коттеджам сидят, другими гостями не интересуются. А с Антониной иначе вышло. Я опять вызвала Федора Кузьмича, попросила его решить проблему. Панкин никогда меня не подводит – тело незаметно увезли в морг. Через день Федор мне позвонил и сообщил, что ничего странного в смерти вдовы нет – инфаркт, женщина не перенесла смерть любимого мужа. Я выдохнула, велела вещи Ткачевых собрать, коттедж по-

мыть, приготовить его для других гостей. А утром нагрянула полиция. Вернее, сначала приехал паренек, попросил показать ему номер, который занимала умершая пара. Узнал, что там все вычищено, санузел простерилизован, и укатил. А потом уже двое прибыли из местного отделения и давай на меня наезжать. Почему комнаты отдраили? Что скрыть хотели? Зачем вещи мужа и жены упаковали? Кто разрешил мусор выкидывать? Я позвонила Панкину, тот незамедлительно примчался, но эти хамы разумных доводов адвоката не слушали, сыпали вопросами. Потом решили побеседовать с другими постояльцами. Я им попыталась объяснить, что никто про Ткачевых ничего не расскажет, они не общались с другими гостями. Куда там! Мне приказали: «Вызывайте всех в столовую, устроим собрание».

Гелена стиснула губы и повернулась к Ивану Никифоровичу.

– Понимаете?

– Неудачный для вашего бизнеса день, – заметил шеф.

– Да просто смертельный! – воскликнула Родионова. – Ко мне приезжает особый контингент – люди, не желающие светиться, в основном постоянные клиенты. Если собрать их в общем зале, это же катастрофа будет, более они в «Лесной парадиз» не сунутся. У дурных вестей быстрые ноги, о том, что в моем отеле умерла женщина, а полиция устроила массовый допрос, тут же станет известно.

Я попыталась успокоить Гелену.

– Ваши клиенты не станут говорить, где отдыхали, они заинтересованы в сохранении тайны так же, как вы. Даже больше вас.

Лицо и шея Родионовой покрылись розовыми пятнами.

– Все равно протечет. Не дай бог, желтая пресса заинтересуется. Но хуже всего то, что от меня уволились сразу две горничные. Я пыталась их удержать, ведь найти нужную для моего бизнеса прислугу очень сложно, предложила повышение зарплаты. И обе отказались. Одна заявила: «Все знают, что Ткачеву отравили. Иначе почему вы Никиту уволили?» А я, как назло, на самом деле в тот день, когда ездила с Антониной на опознание, рассчитала шеф-повара. Но это было сделано по его желанию, Никита меня об уходе за два месяца предупредил. У плиты сразу встал другой человек. Никто из персонала о замене заранее не знал, просто так совпало, что это в тот печальный день произошло. Но служащие начали перешептываться, они всерьез решили, что постояльце яд подлили. Глупость несусветная… Иван Никифорович, помогите! Человек, который меня к вам направил, сказал, что вы все можете.

Шеф сделал отрицательный жест рукой.

– Нет. И сомневаюсь, что на свете существует хоть один человек, который может все. Сформулируйте, что вы хотите от нас?

Гелена Валентиновна заломила руки и зачастила:

– Развейте глупые слухи об отравлении, но главное, защи-

тите меня от местной полиции. Когда мерзавцы поняли, что я не хочу трубить общий сбор постояльцев, они насели на меня, стали требовать книгу регистрации. А там… Понимаете, я почти всех клиентов не первый год знаю, у меня есть их контакты. Никто из них не хочет показывать свой паспорт на ресепшен… и я… я…

– Записывали в гроссбух фальшивые данные? – предположила Аня Попова, сидевшая около меня. – Не смущайтесь, так многие владельцы мотелей делают.

– У меня прямо истерика случилась, – всхлипнула Родионова, – реально плохо стало, голова закружилась. Потом возник еще один полицейский, старше по чину. Он прежних выгнал, очень ласково со мной заговорил, пообещал шум не поднимать и вообще дела не заводить, но поскольку смерть Антонины подозрительна, то…

Гелена замолчала.

– То кое-кому придется ему заплатить, короче – давайте деньги, – договорил за нее Александр Викторович.

– Злой и добрый полицейский – старый, но хорошо работающий прием, – поморщилась Аня.

Родионова молитвенно сложила руки.

– Пожалуйста, пожалуйста, займитесь сами смертью Антонины! Там и делать-то нечего, главное – отгоните от меня жадных шакалов. Вам я верю, вы не станете болтать о моем отеле. Вам могу дать список клиентов, знаю: никто не будет их шантажировать. Предоставлю и координаты служа-

щих. Вот, здесь горничные, повар, эскорт-служба, все-все-все. Обратите внимание на возраст – никого моложе восемнадцати. Да, у меня особый отель, но я не нарушаю закон. Докажите, что никто из наших сотрудников в смерти Ткачевых не виноват.

Посетительница зашмыгала носом.

– Умоляю вас!

Глава 4

– Что скажете? – поинтересовался Иван, когда Родионова ушла.

Эдита подняла руку.

– Можно? Я посмотрела кое-какую информацию на Гелену. Она была замужем за Владимиром Байкиным, по кличке Мотор, криминальным авторитетом. Тот несколько раз попадал в зону интереса полиции, но все по ерундовым поводам. И адвокаты всегда его отмазывали. Все знали: Мотор занимается угоном машин, за что и получил свое погоняло…

– Дита, – остановила я ее, – оставь слово «погоняло» друзьям Байкина, есть же другие слова – «прозвище», «кличка», «псевдоним».

– Псевдоним – это сильно сказано, – засмеялся Валерий. – Хм, здорово звучит: Владимир Байкин, псевдоним Мотор.

– Прости, – смутилась наш компьютерный гений. – Ни для кого, в том числе для полиции, не было секретом, что Владимир Миронович легко может украсть любой вид транспорта. Он вышел на международный уровень, орудовал в Германии, в странах СНГ. А потом его подстрелили, причем очень неудачно – попали в позвоночник, Байкин оказался в инвалидной коляске. В больнице он познакомился с Геленой, она там работала медсестрой. Уж не знаю, что привлекло восемнадцатилетнюю девушку в пятидесятилетнем мужчине, но

она вышла за него замуж. Супруги прожили вместе пятнадцать лет. Байкин пил, несколько раз в квартиру по вызову соседей приезжала полиция, но, понятное дело, просто делала инвалиду внушение. Потом Мотор зашился. Долгое время он не прикасался к рюмке, но вдруг развязал и умер. Все было так, как нам Родионова рассказывала. Через полгода после смерти мужа она открыла «Лесной парадиз». Деньги на бизнес взяла в банке под залог московской квартиры. Очень быстро выплатила долг, менее чем за год рассчиталась.

– А тетка не дура, – отметила Аня, – сообразила, что к ней может примотаться налоговая с любимым вопросом: «Откуда деньги, дорогая?», поэтому прикрылась кредитом.

– Замуж более не выходила, ни в чем дурном не замешана, – подвела итог Эдита. – Теперь о Ткачевых. Как верно сказала Гелена, Тихон Матвеевич преподавал историю в Институте Ольги Кравченко, это небольшой вуз, где готовят бухгалтеров, художников для театра-кино, юристов и экономистов.

– Странный набор специальностей, – удивилась я.

– Ну да, – согласилась Эдита. – Институт открылся в середине девяностых, когда, словно грибы после дождя, начали появляться разные учебные заведения. Большинство из них благополучно умерло в следующие шесть лет, а вот детище Кравченко устояло и функционирует до сих пор. По служебной линии на Ткачева нет ничего дурного – аккуратный, знающий педагог, совсем не вредный, двоек никогда не ставил,

но и на пятерки был не щедр. Студенты к нему с уважением относились. Автор нескольких брошюр. Зарплата Ткачева была невелика. Антонина Ивановна тоже не много получала – реставратор в музее, работала с книгами, иногда получала частные заказы. Ткачевы никогда не ездили за границу, не брали кредитов, у них двухкомнатная квартира в старом Тушине. Жилье записано на Антонину, досталось ей от покойной бабки. У Тихона есть двадцать соток в деревне Жучково, на них по плану БТИ два сарая. Участок он получил от покойных родителей. А теперь самое главное: у Ткачева были апартаменты, наследство от умерших мамы и папы, шесть комнат в доме постройки конца девятнадцатого века на Малой Бронной.

– Ничего себе… – протянула Аня. – Это же целое состояние! Почему они жили в Тушине?

– Наверное, сдавали хоромы в центре города за огромные деньги, – предположил Валерий. – За такую квартиру можно не одну тысячу евро в месяц срубить.

– Вот и не угадал! – воскликнула Эдита. – Но о жилье чуть позднее. Сначала о детях.

– О каких? – удивилась я. – Гелена говорила, что пара была бездетной.

Эдита оторвала взгляд от экрана ноутбука.

– Она, скорей всего, повторила то, что ей Ткачевы сказали. Нет, у них есть сын Юрий. Он художник, закончил Строгановское училище, постоянной работы нет, фрилансер. Же-

нат, живет с супругой и двумя маленькими детьми в коммуналке. В ней три комнаты, одна принадлежит Нине, супруге Юрия. Две другие – актрисе Олимпиаде Яновне Урс. Хм, необычная фамилия.

– Никогда о такой артистке не слышал, – заметил Александр Викторович, – а я завзятый театрал.

– Урс восемьдесят годков с гаком, – уточнила Эдита, – она давно нигде не работает. Ранее несколько раз снималась в кино, исполняла маленькие роли. В фильме «Рабочая слава», снятом в тысяча девятьсот шестьдесят девятом, сыграла в эпизоде. Кто-нибудь видел этот фильм?

– Нет, – хором ответила бригада.

– Теперь о прекрасной квартире на Бронной, – зачастила Эдита. – Отец и мать Тихона Матвеевича были директорами крупных московских магазинов: гастронома и универмага.

– Ого! – подпрыгнула Люба. – Вот это да! По советским временам всемогущие люди.

– Похоже на то, – согласилась компьютерщица. – В доме на Бронной небольшие квартирки, в основном двухкомнатные, а старшие Ткачевы ухитрились захватить аж целый этаж.

– Ну и ну, – изумился Валерий. – Как им это удалось?

Эдита ухмыльнулась.

– Они развелись. Получили каждый по квартире, потом снова поженились и объединили жилье.

– Директора магазинов – это круче, чем боги Олимпа. Со-

ветский человек очень хотел кушать финский сервелат и носить плащ болонья, – вздохнула Буль, – а еще иметь зеленый горошек и майонез на салат оливье…

– Они откусили двушку и трешку, – продолжала Булочкина. – Но ведь были еще и кухни! Так вот, из одной сделали спальню. И вышли у них шестикомнатные хоромы с двумя санузлами. Сейчас за такие на Бронной надо минимум два миллиона долларов отдать. Жили Ткачевы роскошно, а умерли глупо. Тихону тогда шестнадцать было. Съездили за грибами, набрали ядовитых, пожарили и отравились. Подробности я не смотрела, родители Ткачева меня не интересовали, но если надо…

– Не надо, – остановила я Диту, – предки Тихона нам точно не нужны.

– И еще о квартире! – заявила она. – В ней устроен… музей.

– Чего-то я в этой жизни не понимаю, – вздохнула Буль. – Родной сын с женой и детьми ютятся в одной комнатенке в коммуналке, а отец устраивает в роскошной квартире музей. Оно понятно, что Тихон Матвеевич, рано потерявший родителей, решил увековечить их память. Но ведь те давно на кладбище, а его сын-то рядом и мучается в тесноте.

– Любочка, ты ошибаешься, – остановила ее Эдита, – музей посвящен вовсе не родителям.

Глава 5

Мне стало интересно.

– Вот как? И что за экспозицию сделал Ткачев?

– Она посвящена мячу, – объявила Дита.

– Мяч, Мяч, Мяч… – забубнил Ватагин. – Что-то не припомню поэта-писателя-музыканта с такой фамилией. Мяч, Мяч…

– Это не человек, – захихикала Эдита.

Любочка опешила.

– Собака?

– Вопрос настоящей блондинки, – развеселился Валерий. – Псам музеи не посвящают.

– А вот и неправда, – ринулась в бой эксперт, – есть экспозиции, которые рассказывают о собаках. И даже о мышах. В городе Мышкин, например.

– Любовь Павловна, – остановил ее Иван, – Мышкин замечательное место, но давайте вернемся к нашим делам. Эдита, сделайте одолжение, просто снабдите нас необходимой для работы информацией.

Булочкина округлила глаза.

– Мяч – это мяч. Спортивный инвентарь. Тихон Ткачев собирал мячи. У него было большое количество экспонатов, многие с автографами. У него в Фейсбуке есть подробный рассказ о коллекции.

– Господи, кому это надо? – удивилась Аня.

Александр Викторович улыбнулся:

– Люди собирают подчас весьма странные вещи. И находят единомышленников. В советские времена существовали разные клубы, некоторые были многомиллионными, например книголюбов, в других состояло всего несколько человек. Один мой пациент собирал замки, шпингалеты, щеколды, засовы, обменивался двойными экземплярами с братьями по разуму. Он бросил работу, все время проводил в домах, подготовленных под снос, – свинчивал все, что мало-мальски походило на крючок, запор… Он потерял жену, которая не выдержала такой жизни, и детей – все от него отвернулись. Думаете, коллекционера это остановило? Вовсе нет!

– В коллекции Тихона есть очень дорогие экспонаты, – продолжала Эдита. – Например, мяч с подписью великого вратаря Льва Яшина. Или мяч, который принес победу команде Кубы на чемпионате мира по бейсболу в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. За эти уникумы фанаты отдадут чемоданы денег, причем не только в России.

– За такую ерунду, как покоцанный спортинвентарь? – поразилась Буль.

Ватагин взял из коробки сухарик.

– Странно слышать эти слова от вас – человека, который собирает атласы.

– Медицинские, – уточнила Люба, – не географические.

– Если вам предложат тот, который изготовил сам Гиппократ, – прищурился психолог, – какую сумму вы готовы за него отдать?

– Мне ее и за десять жизней не заработать, – пригорюнилась Буль, – даже представить не могу, сколько он стоить может.

– А если вы стали бы обладательницей несметных миллиардов долларов? – не отставал Ватагин.

– Миллиардов? Долларов? Хотелось бы хоть пару миллионов рублей в загашнике иметь, – призналась Любочка. – Ну… если я стала бы богачкой, то на аукционе торговалась бы до последнего.

– Коллекция Тихона Ткачева, по самым скромным подсчетам, стоит около пяти миллионов долларов, – объявила Эдита, – это заочная оценка одного из аукционных домов, стартовая цена. Насколько она может взлететь во время торгов, неизвестно. Кстати, Тихон водил по своему музею экскурсии.

– А сам обитал в крохотной квартирке, никогда не ездил за границу и катался на дешевой машине? – протянул Ватагин. – Классический пример собирателя. В Москве некогда жил коллекционер редких изданий Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Он был конферансье, сейчас бы сказали: ведущий мероприятий. Собрал уникальную библиотеку. Его вдова Софья выпустила книгу воспоминаний, там есть интересный эпизод. Сокольские собирались встретить

Новый год в Доме литераторов, Софье хотелось купить красивое платье, и она попросила у мужа денег, а тот отказал: нету. Супруга побежала плакать в спальню, Николай Павлович пришел к ней и сказал: «Сонечка! Можешь взять на мероприятие первое издание Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» из моей библиотеки. Держи его вместо сумочки. И поверь, у тебя будет самое дорогое украшение». Свою коллекцию Смирнов-Сокольский завещал Ленинской библиотеке…

Не дослушав, я перебила Александра Викторовича и повернулась к Дите:

– Эдя, дай-ка телефон Юрия Ткачева. Очень хочется поговорить с ним.

– Тебя что-то насторожило? – поинтересовался Ватагин.

Иван не дал мне ответить:

– Конечно. Семейная пара впервые в жизни решила отдохнуть вместе, и произошла трагедия: муж погиб в автокатастрофе, жена умерла от стресса.

– Такое возможно, – заметила Любочка.

– Не спорю, – согласился шеф. – Но Ткачевы обладали очень дорогой коллекцией и никогда не ездили в отпуск, а тут вдруг надумали, отправились в совсем не дешевую гостиницу и неожиданно оба скончались.

– Кто сказал, что они никогда не ездили отдыхать, – возразила Эдита. – Ткачевы не летали за границу, но ведь можно снять дачу в Подмосковье. К сожалению, это я выяснить

не могу. Кстати, напомню: у Тихона Матвеевича есть земельный участок, который ему по наследству от родителей достался. Только сомневаюсь, что Ткачевы там жили – село заброшено. Хотя кое-кому даже нравится жить отшельником.

– Ты не на все вопросы можешь найти ответы в интернете, вот почему я и хочу поговорить с Юрием, – пояснила я. – Соедини меня с ним.

– Мобильный у художника не работает, на счете нет денег, – сообщила через несколько секунд Булочкина, – попробую позвонить на городской.

– Включи громкую связь, – попросил Валерий.

В комнате раздались гудки, потом зазвенел женский голос:

– Алло!

– Добрый день. Можно поговорить с Юрием Тихоновичем? – спросила я.

– Он ушел с детьми в парк гулять.

– А когда вернется?

– Часа через два.

– Тогда позвоню ему на мобильный, – произнесла я.

– Ой, а муж его дома забыл, – соврала жена. – Вы насчет заказа? Можете со мной побеседовать, я Юрин агент.

Я понизила голос.

– Извините, сразу не представилась. Начальник особой бригады Татьяна Сергеева. А вы Нина?

– Господи, что случилось? – перепугалась женщина.

– Вам не звонили из полиции? – на всякий случай уточнила я.

– Полиция? Боже, нет, – прошептала собеседница.

Я очень не люблю приносить людям плохие вести, но куда деваться…

– С прискорбием сообщаю вам, что Тихон Матвеевич Ткачев скончался после того, как попал в аварию. Примите мои соболезнования.

Нина отреагировала необычно:

– Ого! Это правда?

– К сожалению, да, – подтвердила я. – И случилось еще одно несчастье.

– Какое? – почти весело осведомилась невестка погибшего.

– Ваша свекровь…

– Что, она тоже того? – ликующим тоном спросила Нина. – Рядом с мужем в машине сидела?

– Нет. Антонины Ивановны не было в автомобиле, которым управлял Тихон Матвеевич, – продолжала я, – она…

– Жива? – с хорошо слышимым разочарованием осведомилась жена Юрия.

– Ваша свекровь тоже умерла, – договорила я, – ее убил стресс, вызванный смертью супруга.

– Вау! Вот это свезло! – закричала Нина. – Спасибо, спасибо, спасибо! Ох, ну и новость! Не зря мне сегодня ночью ласточка приснилась, к хорошей вести видеть эту птичку.

Все члены бригады переглянулись. А Нина вдруг поинтересовалась:

– Ключи от их квартиры где?

Вопрос меня озадачил.

– Скорее всего в вещах, которые остались в гостинице.

– Где? – изумилась Нина.

– Родители вашего мужа поехали отдыхать и…

Договорить я опять не успела.

– Ой! Вдруг это не они? – закричала Нина.

– Тихон Матвеевич и Антонина Ивановна Ткачевы, – повторила я.

– Вдруг тезки? – еще сильнее нервничала Нина. – А если это все-таки предки Юры, то нам нужны ключи. О! О! Дождались мы! Вот радость! Я думала, что еще много лет в чертовой коммуналке проживу!

Я молча смотрела на лежащий около планшетника телефон, из которого бурным потоком неслись ликующие фразы – Нина никак не могла успокоиться. В конце концов мне пришлось приглушить восторг невестки.

– Если я прибуду через час, вы будете дома?

– Ключики привезете? Конечно! – заверещала Нина. – Поторопитесь, я хочу сегодня же на квартиру смотаться! Как назло, Юрасику сообщить не могу, ему мобильник отключили. То есть он сотовый дома забыл. Давайте, приезжайте скорей!

– Очаровательная особа, – произнесла сквозь зубы Буль. –

Надеюсь, мой Егорка найдет себе не такую жену.

– А я люблю своих свекра и свекровь, – вступила в разговор Аня. – С мужем я в разводе, а его родители меня дочкой считают, помогают во всем, они мне как мать и отец. Нина очень неприятная баба, могла бы хоть приличия ради скорбь изобразить.

– Отвратительно радоваться смерти других людей, – высказался Валерий.

– Не судите да не судимы будете, – заметил Иван Никифорович. – Мы же не знаем, что у них за отношения были. У родителей Юрия хоромы на Бронной, а он с семьей ютится в коммуналке… Не всякие мать с отцом заботливы.

– Да какие бы они ни были! Родителей надо любить, их не выбирают! – разгорячилась Эдита. – Некоторые люди вообще понятия не имеют, кто их на свет произвел, тяжело им жить без родителей, любым бы рады были, хоть алкоголикам, хоть наркоманам.

– Ну ты сказала… – протянула Аня. – Героинщики – это уж как-то чересчур…

Мне-то было известно, что Булочкина воспитывалась в детском доме, куда девочку, подкинутую на порог роддома, перевели из приюта для малюток, но от остальных членов бригады эта информация скрыта. Если Дита захочет, она сама ею поделится, я не имею права разглашать эти сведения. В общем, меня ее заявление не шокировало, а остальные стали спорить с Булочкиной.

Иван Никифорович встал.

– Я пошел к себе. Татьяна, после того как выработаете план действий, поднимись. Есть пара вопросов.

Глава 6

– Нам нужна помощница по хозяйству, – заявил Иван, едва я появилась на пороге.

– Сама так думаю, – согласилась я. – Когда Рину выпишут, она не сможет, как раньше, носиться туда-сюда. Гипс снимут не скоро, да и потом надо будет еще долго беречься. С кабачками ей явно не справиться. Но как найти подходящего человека? В агентство по найму прислуги мы не пойдем.

– Наш отдел персонала подобрал несколько кандидатур, – сказал муж. – Из «спящих» агентов, кого не использовали десять и более лет. Мне пришлась по душе Надежда Михайловна Бровкина. Ей вот-вот стукнет пятьдесят, профессиональная горничная, отзывы прекрасные. У нее нет семьи, она готова жить у нанимателя, коренная москвичка, свою квартиру сдает. Надежда Михайловна неплохо готовит, любит животных, к тому же владеет навыками медсестры – может сделать укол, поставить капельницу, оказать первую помощь. И главное, не требует сверхзарплаты, работает за нормальные деньги.

Меня охватил восторг.

– Просто идеальный вариант!

– Есть маленькая сложность, – заметил Иван.

Я приуныла.

– Ну вот…

– У нее кот, хозяйка без него никуда, – пояснил муж. – Но Надежда Михайловна меня заверила, что он тихий, воспитанный, не разговаривает без конца.

– Правда? – хихикнула я. – До сих пор все кошаки, которых я видела, отличались редкой болтливостью. Только увидят меня – сразу начинают тараторить без умолку, рассказывать о своих делах.

Иван засмеялся.

– Кот Бровкиной молчун. Наверное, день-деньской книги читает. Ну что, возьмем даму на испытательный срок?

– Да, – согласилась я. – Если она нам не подойдет, будем искать другую помощницу. Молчаливый кот нам не помеха, вижу иную проблему.

– Какую? – насторожился Иван.

Я вздохнула.

– Рина привыкла все делать сама, и до сих пор все твои попытки нанять ей помощницу разбивались о нежелание Ирины Леонидовны видеть на своей кухне кого-то постороннего.

– Да, она и тебя к плите не подпускает, – согласился муж.

– Вот тут она очень даже правильно делает, – воскликнула я. – Из меня повариха, как из лошади балерина. Хотя… Вообще-то некоторые кони в цирке танцуют, а вот я в плане приготовления пищи безнадежна.

Иван обнял меня.

– Зато ты умница, красавица, самая лучшая жена на свете. И очень хорошо, что не желаешь между кастрюль и ско-

вородок метаться, мама бы рыдала, если бы ты решила печь пироги. Неохота ей лаврами лучшей кулинарки делиться.

– И как Рина отнесется к Бровкиной? – задала я вопрос дня. – Понравится ли ей чужая тетушка возле плиты и вообще в квартире?

Супруг разжал объятия.

– На сей раз, не поверишь, мама первая заговорила о помощнице. Она поняла, что с двумя сломанными ногами ей будет сложно.

Я встала с дивана.

– Надо подобрать человека, который понравится Рине, нас все равно дома никогда нет.

– Сейчас поеду в больницу, расскажу маме о Бровкиной, – пообещал Иван. – Если хозяйка кота-молчуна не вызовет у нее бурного протеста, позову Надежду Михайловну.

Я пошла к двери.

– А я отправлюсь к «нежной» невестке Ткачевых. Велела Эдите покопаться в их семейной истории, вдруг что интересное вылезет, Ане – съездить в квартиру-музей Тихона, Валерию – к нему на работу. Все как всегда – разговор с соседями, поиск близких приятелей. Стандартная процедура. Может, Юра и Нина расскажут о друзьях умерших, о планах Ткачевых. Буль должна вытребовать тела в нашу лабораторию и тщательно их изучить. Ватагин, как обычно, займется психологическими портретами.

– Молодец, – похвалил меня Иван, – ты лучший началь-

ник бригады.

Я помахала ему с порога.

– Подозреваю, что ты не объективен и пристрастен, но все равно очень приятно.

* * *

Дом, где жил сын Ткачева, оказался старым, дышащим на ладан. Квартира Юрия и Нины располагалась на первом этаже и была угловой. На двери подъезда висел домофон, но он оказался сломан, при входе не было консьержки, и лифт отсутствовал. Зато стоял такой запах, что меня затошнило. Вместо половика перед квартирой Юрия лежал обрывок махрового полотенца, дверь была сильно поцарапана, а внизу на ней виднелись выбоины и трещины. Похоже, кто-то не раз колотил по ней ногой. Звонок, как выяснилось, не работал. Я начала стучать кулаком в створку и поняла, отчего она покорежена, – люди, желающие попасть к Ткачевым, попросту вынуждены по ней лупить.

В тот момент, когда мое терпение практически иссякло и я уже тоже была готова пустить в ход ногу, дверь распахнулась. На пороге возник полный лысоватый мужик в очках.

– Ключи принесли? – спросил он, забыв поздороваться. – Все? От музея и квартиры?

– Добрый день, – сказала я. – Вы Юрий Ткачев?

– Да, он самый, – ответил хозяин. – Где ключи?

– Вам их непременно отдадут, но позже, – пообещала я. – Сегодня вещи ваших покойных родителей должны доставить в наш офис.

Юрий скривил рот.

– Сомневаюсь, чтобы там было нечто стоящее.

– Вы разрешите войти? – спросила я. И услышала:

– Зачем?

– Мне надо задать вам пару вопросов, – пояснила я.

Младший Ткачев нахмурился, но потом все же сменил гнев на милость.

– Ладно. Только снимите туфли – у нас дети, нечего грязь с улицы тащить.

Я кое-как втиснулась в крошечное пространство, невольно подумав: в стране, где средний женский размер пятьдесят второй, надо делать прихожие попросторнее. Интересно, в каких апартаментах живет архитектор, придумавший «трешки» общей площадью двадцать семь метров? Неужели в такой же, какую спроектировал для всех?

Юрий показал на «вешалку».

– Куртку туда.

Я покорно пристроила свою одежду на крючок, прибитый прямо к стене с ободранными обоями, сделав два шага вслед за Юрием, оказалась на кухне, где было бы тесно даже гному. У стены стоял небольшой стол, за которым спиной к окну пристроилась девочка лет шести. Другой ребенок, совсем маленький, сидел на высоком стульчике и рьяно рвал газету.

Ткачев наклонился, вытащил из-под стола две круглые табуретки на трех ногах, плюхнулся на одну и предложил мне:

– Садитесь.

Стоящая у плиты молодая женщина обернулась.

– Это я с вами по телефону говорила? Ключи привезли?

Из кастрюли перед ней поднимался пар, на другой горелке скворчала сковородка.

– Ма! Кушать! – заныла девочка.

– Сейчас, – пообещала Нина, – погоди. Видишь, тетя пришла.

Малышка показала мне язык, выпалив:

– Тетя дура.

Юрий выхватил у младенца газету, свернул ее трубочкой и стукнул грубиянку по лбу, воскликнув:

– Светка, немедленно извинись!

Дочь зарыдала, а малыш, лишившись своего немудреного развлечения, завыл, как пожарная сирена. У меня зазвенело в ушах, спина вспотела – на кухне было невыносимо жарко, душно и влажно. Просто тропики!

– Заткни детей! – заорал Юрий.

– Сам постарайся! – не осталась в долгу супруга.

– Уведи их в комнату, – распорядился муж.

– Я обед готовлю, – огрызнулась Нина.

– Спохватилась… – рявкнул Юрий. – Ужинать пора, а ты борщ варишь.

Девочка продолжала истерически рыдать, теперь к ее воп-

лям добавилась икота. Изо рта младенца потекли белые струйки.

– Он срыгнул, – поморщился Юрий.

– Вот и умой сына, – распорядилась Нина.

– По-твоему, я нянька? – побагровел супруг. – Не мужское дело детьми заниматься.

Нина бросила в мойку ложку, которой мешала бурно кипящее варево, уперла одну руку в бок, вторую вытянула ладонью вперед.

– Отлично! Тогда выполняй мужские обязанности – дай денег на хозяйство. Ну?

Юрий побагровел. И тут в кухню вошла носатая, черноволосая старуха, здорово похожая на Бабу-ягу.

– Опять ругаетесь, ироды? – басом прогудела она. – Креста на вас нет, делаете из деток моральных уродов.

Младенец перестал выть и заулыбался, потянул к бабке ручонки. Девочка нырнула под стол, ловко проползла по полу на коленях, вылезла и спряталась за спину Яги со словами:

– Бабуленька, папа дурак, он меня больно ударил.

– Да он просто идиот, – произнесла старуха, вытащив из стула мальчика. – Пошли, мои ягодки, сейчас я вам книжку почитаю, кашки вкусной дам. Нинка, форточку распахни, оранжерея на кухне. И что ты там такое варишь? Оно несусветно смердит!

– Курица по скидке досталась, – поделилась удачей невестка Ткачевых.

– Сами жрите эту гадость, детям не давайте, а то отравите, не дай бог, – заявила бабка. – Жизнь несправедлива. Хорошим людям Господь малышей не посылает, сколько ни просят, не получаются дети у них. А у вас, шантрапы, целых двое здоровеньких, умненьких, красивых. За что им такие идиоты, как вы, в родители достались, а?

Высказавшись, старуха понесла младенца вон из кухни. Девочка пошла за ней. На пороге малышка обернулась и снова показала язык.

– Довыступаешься! – взвился Юрий. – Сейчас я тебе его оторву!

Дочка немедленно умчалась.

– Далось ей мой обед ругать, – обиделась Нина. – А то я сама не знаю, что курицу лучше посвежее брать… Да только ведь свежее дороже. Где деньги найти? Мы кругом в долгах!

– Окно открой, – приказал муж. – Я сейчас растаю, устроила парную.

– Так из-за детей, чтобы не простудились, – вполне мирно объяснила Нина.

Она открыла раму, в кухню ворвалась струя свежего воздуха.

– Ключи принесли? – повторил вопрос Юрий.

– Их вам непременно отдадут, – пообещала я, – если они в вещах обнаружатся. Вот когда тела для похорон забрать можно будет, пока не скажу.

Нина села на диванчик.

– Нам их что, хоронить придется?

Ее вопрос меня изумил.

– Конечно.

– Иначе никак? – осведомился Юрий.

– Вы единственный сын Тихона и Антонины, – напомнила я.

Сынок опустил голову и боднул лбом воздух.

– И что? Я обязан их на погост тащить?

Я обычно не теряюсь ни в каких ситуациях, но сейчас оторопела и промямлила:

– А кто это может кроме вас сделать?

– Государство, – спокойно пояснила Нина.

– Я с родителями не общался, – вякнул Юрий.

– Они нас из своего дома выгнали, – подключилась к разговору Нина, – узнали, что мы пожениться собираемся, и тормоза у них отказали. Такого мне наговорили – жуть!

– И мне, – сказал Юра. – Орали: «Кормили одного дармоеда, теперь двоих на плечах переть? Нет уж!» Мать условие поставила: или я с Ниной все отношения разрываю, или убираюсь из дома. Пришлось в эту дыру перебираться.

Я решила хоть как-то наладить контакт с озлобленной семейной парой.

– Видимо, вы очень любите друг друга, поэтому ушли от родителей Юрия, которые были против счастья сына. Да уж, нехорошо они поступили.

Нина сгорбилась.

– Я-то мужа обожаю, а он меня нет. Не хотел, чтобы Вовочка родился. И свекор со свекровью тоже против мальчика были. Со Светкой они даже иногда погулять соглашались, а как про мою вторую беременность узнали, разорались и выгнали нас.

– Простите, наверное, я неправильно поняла, – удивилась я. – Вы только что объяснили, что родителей мужа вывело из себя желание сына жениться на вас, и они отказали Юрию в помощи, выгнали из своей квартиры.

– Нинка нормально говорить не умеет, – поморщился Ткачев-младший, – сейчас все по-человечески объясню.

Глава 7

Я постаралась поудобнее устроиться на жесткой табуретке и стала внимательно слушать Юрия.

Встречаются люди, которые во всех своих неудачах винят родителей. Юра оказался из их числа. А еще он обладал на редкость цепкой памятью, которая сохранила все неприятности, причиненные ему мамой и папой. Я узнала, что в шесть лет мальчику не купили надувной круг в виде лягушки, а позже перед школой по утрам всегда кормили мерзкой геркулесовой кашей, после возвращения с уроков ругали за тройки, не разрешали гулять с друзьями… Да, память у Юрия оказалась замечательной, но – однобокой. Ничего светлого, радостного в ней не задержалось, только обиды.

Многие люди слова матери: «Сыночек, подумай, стоит ли тебе поступать в Строгановское училище. Ведь продажей своих полотен зарабатывают единицы художников, остальные рисуют на заказ рекламные картинки или сидят на улицах, предлагая прохожим сделать их портрет или шарж», – восприняли бы как дельный совет и попытались реально оценить свой талант. Честно спросили бы себя: может, мать права, пусть живопись останется хобби, найду себе другую профессию по душе? Но Юра увидел в разумной речи Антонины Ивановны лишь одно: мать хочет его обидеть. И поступил в училище. На первом курсе он познакомился на улице

с Ниной. Та сказала, что ей девятнадцать лет, и у них разгорелась любовь.

Девушка училась на парикмахера, жила с мамой в коммунальной квартире и пока ничего не зарабатывала. Юра в летнюю сессию завалил два экзамена, кое-как пересдал их, ему, как неуспевающему, не платили стипендию. Страстный роман вспыхнул в конце мая, лето в тот год выдалось теплым, молодые люди ездили к приятелям на дачу, гуляли в парках. Помните басню Крылова про стрекозу и муравья? Так вот Юра с Ниночкой были стрекозами, а Тихон Матвеевич и Антонина Ивановна муравьями. Когда пошли дожди, похолодало, стрекозки опустили крылышки и пришли на поклон к старшим Ткачевым.

Родители Юрия приняли парочку. Молодые люди жили на всем готовом, при этом страшно обижались на родителей за то, что те не разрешали курить в квартире, запрещали приглашать в дом каждый день друзей, требовали мыть за собой посуду и не давали денег на расходы. Юра с Ниной пребывали в уверенности, что у Тихона Матвеевича толстый кошелек, но он, махровый эгоист, тратит все средства на свой кретинский музей мячей.

Так прошло два года. И вот однажды Нина поняла, что беременна. Ребенка не хотел никто, она собралась на аборт, но все откладывала визит к врачу. У нее постоянно находились важные дела: то у подруги день рождения, то еще к кому-то в гости сбегать надо, то кино интересное появилось.

Когда Ниночка наконец-то добралась до кабинета доктора, тот объяснил ей: срок большой, аборт не сделают.

Антонина Ивановна схватилась за голову и велела парочке оформить брак. Тут-то и выяснилось, что Нине всего лишь семнадцать… То есть она обманула Юру, сказав в день знакомства, что справила девятнадцатилетие, на самом деле ей тогда едва стукнуло пятнадцать, просто она выглядела старше своего возраста. Наверное, старшие Ткачевы перепугались – ситуация попахивала уголовным кодексом, статьей о совращении малолетних. Но Тихон Матвеевич извернулся – смог поменять Ниночке паспорт, прибавив будущей невестке три года. Как ко всему случившемуся отнеслась мать девицы? А никак. Она пила горькую, дочь ее вообще не интересовала.

Поменяв паспорт Нине, старшие Ткачевы, по словам Юры, повели себя отвратительно. Каждый день они напоминали молодым людям, готовящимся стать родителями, что им пора подать заявление в загс и по-тихому расписаться. Ну неужели жадные Тихон и Антонина не понимают, что Ниночка хочет белое платье, фату и трехдневный праздник с толпой гостей и весельем до упаду? Причем ведь у мерзких стариков имелись деньги! Но Антонина (вот же зануда!) заявила:

– Лучше потратить средства не на гулянку, а на роды и покупку всего необходимого для младенца.

Нина разозлилась и поставила условие: или роскошная

свадьба, или она не идет в загс…

Можно я больше не стану пересказывать вам то, что говорили мне, перебивая друг друга, младшие Ткачевы? Думаю, все ясно, и вы по достоинству оцените терпение Тихона и Антонины, которые содержали двух балбесов и внучку до того момента, когда Нина с Юрой наконец-то решили пожениться. Свете исполнилось пять лет, и ее родители вновь потребовали пышного праздника. Но не для девочки. Для себя. Услышав, сколько денег требуется на свадьбу, Тихон Матвеевич сказал твердо:

– Нет!

Сын налетел на отца с упреками, разразился скандал, во время которого представители старшего поколения сказали представителям младшего все, что о них думают, и велели деткам съезжать с квартиры. Нина с Юрой перепугались, поскольку ни разу не видели Тихона и Антонину в таком бешенстве. Решив переждать бурю, они уехали на неделю на дачу к друзьям. Маленькую Свету они по привычке оставили на попечение бабушки-дедушки, не спросив, естественно, хотят ли те возиться с внучкой.

Веселая парочка полагала, что старики позлятся-позлятся, остынут, и все будет, как прежде. Но получилось иначе. Когда Юра и Нина попытались войти в родительскую квартиру, им это не удалось, потому что ключ не подходил к замку. Через крепко запертую дверь Антонина объявила:

– Ваши вещи в комнате Нины в коммуналке. Светлана там

же. За ребенком смотрит соседка Олимпиада, которой я заплатила. Более нас с отцом никогда не беспокойте. До свидания!

Спустя пару месяцев после того, как муравьи выставили вон стрекоз, Нина обнаружила, что снова беременна. Желания второй раз стать родителями у супругов не было, но они решили, что Юрины старики умилятся при виде младенца и сменят гнев на милость…

Вам поведение великовозрастных деток кажется не просто глупым, а невероятно идиотским? Мне тоже. Но если у людей море эгоизма и океан лени, то они так себя и ведут.

В положенный срок на свет появился Володя. Однако Тихон и Антонина не пожелали даже увидеть внука. И как сейчас обстоят дела? Семья живет в коммуналке, Юра не работает, вернее, он планирует написать великую картину, продать ее за огромные миллионы на аукционе. У Нины пока декретный отпуск. На какие деньги живет семья? Хороший вопрос. Молодая женщина обзавелась небольшим кругом клиентов, ходит стричь их на дому. Юра дает объявления в интернете, и его иногда приглашают на детские дни рождения, на свадьбы и прочие мероприятия, где он рисует шаржи на гостей. Соседка Олимпиада, вредная, ворчливая, постоянно делающая Нине замечания за беспорядок на кухне, в ванной и прихожей, подружилась со Светочкой и благоволит к Володе. Она постоянно угощает ребят чем-нибудь вкусным, читает им книжки. У Олимпиады есть изба в деревне, она ту-

да уезжает на целое лето и могла бы взять с собой малышей, чтобы дать Нине с Юрой отдохнуть. Но гадкая бабка ни разу не предложила этого: старуха – настоящая эгоистка.

– А теперь мы богаты! – ликовал Юра. – Апартаменты на Бронной наши! И вторая квартира родительская тоже!

– Интересно, чертовы экспонаты и правда такие дорогие, как утверждал Тихон? – вторила ему Нина. – Отдайте нам скорее ключи! О, наконец-то я дождалась! Меня в этом доме все соседки обожают, я их гениально стригу, крашу. Клиентов много, но теперь брошу всех на фиг!

– Завтра же все продам! – азартно воскликнул Юрий.

– Боюсь, придется подождать, – охладила я пыл алчной парочки, – заняться сделками с недвижимостью вы сможете лишь через полгода.

– Почему? – в один голос воскликнули супруги.

– В права наследства можно вступить только через шесть месяцев после кончины родственников, – пояснила я. – Сейчас вам откажут в любом риелторском агентстве, скажут: вдруг еще какой-то наследник объявится? А вот если в течение отведенного законом срока никто более не будет претендовать…

– Бред! – заорал Юра. – У предков другой родни не было! Никого!

– Закон есть закон, – развела я руками.

– Дайте ключи! – завопила Нина.

– Я прописан у родителей, – поехал на меня танком

Юрий, – имею право жить в двушке в Тушине.

Я попыталась перевести разговор на интересующую меня тему:

– Можете назвать друзей ваших родителей?

– Придурки из общества любителей мячей, которое отец организовал, – зашипел сын. – Сплошь уроды тупые, никого из них я не знаю. Они в том кретинском музее каждый четверг тусовались. В восемь вечера собирались и чай пили. На угощение идиотов у отца деньги находились, а для меня нет!

Я положила на стол визитку.

– Приезжайте завтра в офис, там вам отдадут ключи от квартиры.

– А от музея? – заголосила Нина.

Я встала.

– На связке есть пластиковая карта, возможно, она и открывает вход в музей.

Глава 8

Не успела я сесть в машину, как раздался звонок от Эдиты, она спросила:

– Сходила к Юрию?

– Да. И теперь очень хочу помыться в душе, – призналась я. – Малоприятная парочка. Они обрадовалась, услышав о смерти Тихона и Антонины. Требуют ключи, хотят прямо сейчас продать все что можно и, похоже, не собираются хоронить родителей.

– Ты им отдала связку? – спросила Дита.

– Нет, конечно, – ответила я, – процедуру передачи надо проводить в офисе, а в случае с этой парочкой еще и в присутствии юриста, взяв у них расписку о получении.

– Ключи нельзя им вручать, – сказала Булочкина, – квартира в центре не отойдет сыну по наследству.

– Ты нашла завещание Ткачева? – поразилась я. – Хотя надо искать последнюю волю Антонины, ведь она скончалась последней.

Эдита затараторила, проглатывая окончания слов:

– Шикарная фатерка на Бронной принадлежала Тихону Матвеевичу. Но незадолго до смерти Ткачев ее подарил.

Я, совершенно не ожидавшая услышать такое заявление, покрепче вцепилась в руль.

– Подарил? Но ты же говорила, что жилплощадь…

– Акт дарения был совершен за неделю до смерти Тихона, – перебила меня Дита. – По окончании какой-либо сделки с недвижимостью документы отправляют в регистрационную палату, где они вносятся в реестр, регистрируются. И только после этого квартира считается проданной-купленной, подаренной. На регистрацию сделки уходит от семи до четырнадцати рабочих дней. И что у нас получилось? По данным, которые я нашла в интернете, в сентябре этого года квартира еще принадлежала Ткачеву. Но в начале октября он уже ею не владел. Сделку только-только зарегистрировали, сведения о ней еще не вывешены в Сети. А мне вдруг что-то в голову стукнуло: а не проверить ли информацию в Росреестре. И вот вам! Короче, сработала у меня чуйка.

– Ясно… – протянула я. – Однако родители здорово на сына обиделись. Кому теперь принадлежит жилье?

– Моисеенко Роману Наумовичу. Он врач, имеет собственную клинику, правда совсем маленькую. Сейчас сброшу тебе его телефон, – пообещала Дита. – Танюша, извини, что я ступила, не сразу уточнила инфу.

– Наоборот, ты молодец, что сообразила проверить данные из интернета, совершенно не сержусь на тебя, – заверила я. – Отправляй контакт.

* * *

Роман Наумович, похоже, ждал чьего-то звонка – он от-

ветил сразу, как будто держал трубку в руке. К тому же заговорил первым:

– Это ты? Ну наконец-то! Как дела? У него ничего не болит?

Когда я представилась, Моисеенко занервничал, воскликнул:

– Какие-то неприятности? По телефону говорить не очень удобно, давайте лучше встретимся. Если вы не против, приезжайте в мою клинику, я буду здесь сегодня допоздна. Запишите адрес.

Я посмотрела на навигатор.

– Доберусь минут за сорок, максимум за час.

– Очень хорошо, жду, – донеслось из трубки.

Не успела я поставить телефон в держатель, как позвонил Иван.

– В нашем доме произошла мистическая история, – начал он издалека. – Если не ошибаюсь, в столовой стояла ваза с печеньем. Так?

– Да, – подтвердила я. – И что?

– Теперь она пуста, – продолжал муж. – Одновременно с печеньем со стола испарились ржаные хлебцы, овсяные лепешки, грецкие орехи, курага и финики. И нигде нет ни крошечки – ни на скатерти, ни на полу.

– Никакого волшебства нет, – захихикала я, – наверняка это кабачки постарались. Кто-то из них научился открывать загон, утром они уже один раз выбрались.

– А вот и нет, – возразил Иван. – Когда я вошел, хулиганы мирно спали в обнимку в своей клетке. Засов был задвинут.

– Ну и дела… – ахнула я. – Неужели щенята сумели не только открыть, но и потом закрыть дверцу? Нечеловеческого ума собачки.

– И еще они ухитрились завязать вокруг щеколды веревку, – продолжал муж.

Я оторопела.

– Это невозможно! Никогда не видела собак, способных на подобный трюк. Бечевку приспособила я, думала, она помешает кабачкам выбраться.

– Выходит, веревка их не остановила, – засмеялся муж. – Нет, история все-таки мистическая. С большим трудом представляю, что у кого-то из братцев талант взломщика и ему удалось справиться с засовом, но бечевка… Ее ведь надо сначала развязать-распутать, потом проделать обратное действие. Если Роки и Мози влегкую справились с задачей, может, взять их к нам на работу, а?

– Это просто невозможно! – воскликнула я.

– Почему? Агент-собака легко внедрится в любое общество, ему не потребуется создавать легенду, – веселился Иван, – и провал такого сотрудника исключен.

– Просто невозможно, что бульдожки справились с бечевкой, – возразила я. – А значит, печенье и прочее слопали не они.

– Тогда кто? – задал вопрос Иван.

У меня не нашлось ответа.

– В квартире никого не было, – продолжал муж, – только щенки.

– Действительно волшебство, – пробормотала я. – Ты заехал днем домой?

– Привез Надежду Михайловну и Альберта Кузьмича, – пояснил Иван.

– Вроде речь шла об одинокой домработнице, – удивилась я. – Она прихватила с собой мужа?

– Альберт Кузьмич – это кот, – засмеялся Иван. – На Бертика он не откликается, реагирует исключительно на имя с отчеством.

– Забавно! – развеселилась я. – Ладно, пусть наши новые жильцы осваиваются. Поговорим о деле. Тут интересная информация про недвижимость покойного Ткачева выяснилась…

– Странно, однако, – удивился муж, выслушав мой рассказ. – Почему Тихон так поступил? У него есть сын, внуки. Правда, судя по тому, что я сейчас от тебя услышал, Ткачев-младший с женой не самые приятные люди.

– Да уж, – вздохнула я. – Общалась с ними недолго, за это время трудно составить правильное мнение о человеке, но Юрий и Нина мне совсем не понравились – ленивые, жадные, думают только о деньгах.

– Зато оба откровенны, – сказал Иван, – не стали ничего из себя изображать, лицемерить. Чаще всего люди стараются

казаться лучше, чем есть на самом деле. А в случае с младшими Ткачевыми это не так.

– Просто они искренне считают себя чуть ли не идеальными, – возразила я. – Им кажется нормальным жить за счет родителей, отсюда и обида, что те давали им мало денег.

– Интересно, кто такой Моисеенко? – протянул Иван. – Почему именно ему подарены апартаменты? Наверное, врач – близкий друг Ткачева.

– Сейчас все выясню, – пообещала я, паркуясь у тротуара, – как раз приехала к Роману Наумовичу.

* * *

– Вас не затруднит надеть бахилы и халат? – спросила женщина на ресепшен. – У нас тут дети, мы соблюдаем строгие санитарные нормы.

– Конечно, – кивнула я и села на пуфик. Стала натягивать на туфли голубые мешочки и с запозданием удивилась: – Это больница для детей?

– Разного возраста, – пояснила администратор, – есть и в пеленках пациенты.

– На табличке у входа написано: «Клиника пластической хирургии», – продолжала недоумевать я. И, посмотрев на бейджик на груди женщины, продолжила: – В юном возрасте вроде не делают подтяжек. Или, Наталья, я ошибаюсь?

Служащая протяжно вздохнула.

– Фейслифтинг и в юном возрасте иногда приходится проводить. Недавно к нам привозили девочку с уникальным заболеванием – прогерия.

Я вытащила из мешка одноразовый халат.

– Никогда не слышала о такой.

Администратор перекрестилась.

– И слава богу. Это один из редчайших генетических дефектов, вследствие которого организм начинает стремительно стареть. В мире зафиксировано менее ста больных. Прогерия бывает как детской, так и взрослой. Увы, пациенты, как правило, до двадцати лет не доживают, и они выглядят стариками. Девочка, которую прооперировал Роман Наумович, визуально стала выглядеть лет на тридцать, хотя ей десять. Но такие случаи уникальны. В основном у нас пациенты с диагнозом заячья губа, волчья пасть или что-нибудь вроде «полез на забор, упал лицом в землю». Еще мы исправляем огрехи других хирургов, ну и конечно, удаляем шрамы, родинки.

– Никогда не думала, что детям может понадобиться помощь специалиста по пластике, – заметила я, шагая по коридору.

Сопровождавшая меня Наталья кивнула:

– Следовало назвать наше заведение клиникой детской челюстно-лицевой хирургии, но не мне решать.

– У вас и стационар есть? – полюбопытствовала я.

– Да. Причем с хорошо оборудованными одноместными

палатами, – объяснила администратор. – Но он в соседнем здании, туда посторонним вход воспрещен, даже родителей не пускаем. Прошу, Роман Наумович вас ждет, налево, пожалуйста…

Наталья открыла дверь, и я вошла в комнату, более похожую на библиотеку, чем на кабинет врача. А там увидела маленького, очень худого мужчину, который стоял около одного из шкафов, забитых книгами. Если бы не буйная, совершенно седая шевелюра, Моисеенко легко можно было принять за шестиклассника.

– Вы и есть Татьяна Сергеева? – обрадовался Роман Наумович. – Сейчас угощу вас такими пирожками! Готов спорить на собственное ухо, что никогда таких не ели. Рецепт вчера впервые опробовал. Потрясающе! Правда, оригинальный состав я слегка улучшил. Садитесь, садитесь, в ногах правды нет. Кофе не предлагаю, сам не пью и другим не советую. Но чай – пожалуйста. Какой хотите? Зеленый, белый, желтый, красный, синий? Или традиционный черный? Знаете, что в зеленый всегда надо бросить кусочек лимона? Совсем небольшой. Тогда извлечете из заварки все самое полезное.

Продолжая безостановочно говорить, доктор со скоростью юного хомячка метался по кабинету. Не прошло и минуты, как передо мной возникли тарелка со здоровенными пирогами, почему-то квадратными, и литровая кружка, наполненная светло-зеленой жидкостью, в которой плавал кру-

жок лимона.

– Ну, Танечка, начинайте, – поторопил меня Моисеенко, явно имея в виду не разговор, а трапезу. Сам тут же схватил один пирог, впился в него зубами, закатил глаза и простонал: – Лучше меня никто не готовит!

– Вы сами это испекли? – уточнила я.

Роман Наумович подмигнул мне.

– Понимаете, Танечка, с младых ногтей, едва выпутавшись из пеленок, я хотел стать поваром. Но отец, профессор-уролог, и мать, профессор-гинеколог, не оставили мне шансов на выбор профессии. Пришлось стать хирургом. А кулинария – мое хобби. Попробуйте скорей, мне интересно ваше мнение!

– Уже неделю сижу на диете, – призналась я, – пытаюсь похудеть.

– И как? – заинтересовался врач. – Получается?

– Не очень, – печально ответила я.

– Дорогая моя, посмотрите на меня! – воскликнул Моисеенко. – Я ем все! Лопаю на ночь бублик с маслом!

– Вам повезло с генетикой, – вздохнула я.

Роман Наумович потер руки.

– Нет, наследственность тут ни при чем. Просто я приступаю к трапезе с восторгом и ем часто, раз пять-шесть на дню. Мозг не боится, что тело останется голодным, и не делает жировых запасов. Ну, почему вы не угощаетесь?

Глава 9

Я взяла пирожок…

– Нравится? – осведомился доктор.

Старательно кивая, я попыталась изобразить на лице восторг. И что теперь делать? У меня во рту находился кусок, смахивающий по вкусу на щебень. Правда, мне никогда не доводилось грызть камни, но почему-то кажется, что они именно такие. Хотя разве гравий может быть ошеломительно соленым и приторно-сладким одновременно? Я осторожно перекатила языком комок во рту и прислушалась к ощущениям. Тесто по структуре напоминает полено. То-то я не сразу смогла откусить от пирога, боролась с ним, как Геракл с Немейским львом, и в конце концов отломила небольшую часть. Из чего Моисеенко смастерил начинку? Она похожа на тряпку, которую вымочили в грибном супе. И как мне быть? Ждать, пока пирог растает? Но сколько ни держи кирпич за щекой, он не превратится в нежную булочку. Выплюнуть яство неприлично, проглотить невозможно. Однако, я попала в сложное положение…

– Вижу, вы онемели от восторга, – обрадовался Моисеенко. – Язык проглотили от удовольствия?

Я энергично закивала.

– Доедайте, ангел мой, – захлопотал Роман Наумович, – все из натуральных продуктов. Мука из спельты, сахар

тростниковый, соль каменная, пещерная, яйца дикого голубя, масло черепаховое…

Что-что? Из черепахи можно выдавить масло? Меня затошнило.

– Капуста с грибами в начинке, – перечислял Моисеенко, – и никаких дрожжей, соды, кефира. Сплошная польза. Запивайте чайком!

Я схватила кружку и сделала большой глоток. Как я могла забыть про чай? Сейчас щебень под воздействием горячей воды размякнет… И тут я ощутила вкус напитка. Честное слово, никаких слов не хватит, чтобы описать его «букет». Кисло. Горько. Сладко. Масляно. Солено. Гадко. Вначале отдает гнилым бананом, потом появляется нота перезрелой дыни, которую щедро посыпали смесью аниса, перца и кориандра. Но это ненадолго. Следом возникает ощущение, что вам в рот написала кошка, которая перед этим от души попила молока и поела протухшей рыбы.

Я застыла. Моисеенко подпрыгнул в кресле.

– Кого ни угощаю лично составленным сбором, все просто чумеют. Никто еще не остался равнодушным к моему чаю «Семь трав по якутскому рецепту». Главное – правильно подобрать масло и перед использованием подержать его пару деньков в тепле, тогда оно приобретает уникальный аромат. Правда, Танечка?

Я осторожно кивнула, не зная, что мне делать. Выплюнуть несусветную мерзость на стол нельзя, проглотить невозмож-

но, держать во рту тоже. Положение еще сложнее, чем с пирогом.

И тут, на мое счастье, у Моисеенко зазвонил городской телефон.

– Ешьте, душа моя, я ненадолго, – сказал хозяин кабинета, подошел к своему письменному столу, встал ко мне спиной и начал с кем-то беседовать.

Выхватив из стаканчика пару бумажных салфеток, я выплюнула в одну кусок «пирога» вместе с «чаем», завернула во вторую содержимое своей тарелки, спрятала в сумку, вылила в стоящий рядом горшок с цветком пойло из чашки и ощутила полнейшее счастье.

– О! Так я рад, что вам понравилось! – ликовал доктор, возвращаясь к журнальному столику. – Еще пирожок?

– Ни в коем случае! – выпалила я. Тут же оценила свою бестактность и завиляла хвостом: – Сегодня я иду к подруге на день рождения, она печет кулебяку. Боюсь, что после неземной вкусноты испеченного вами пирога не смогу даже понюхать кулинарный шедевр Кати. Про сравнению с вашими пирожками он покажется мне несъедобным.

– Ну что вы, – потупился Моисеенко, – я всего лишь человек, который мечтал стать поваром. Увы и ах, не получилось!

Я сделала расстроенное лицо. А про себя подумала: все-таки хорошо, что мечты некоторых людей никогда не осуществляются. Кстати, пора бы нам от чудовищного перекуса перейти к деловой беседе. Я посмотрела Роману Наумовичу

прямо в глаза:

– Вы хорошо знали Тихона Матвеевича и Антонину Ивановну Ткачевых?

– С ним я встречался каждую неделю в музее мячей во время заседаний нашего клуба, – пояснил Моисеенко. – С Антониной Ивановной виделся крайне редко, иногда беседовал с ней по телефону. Приятная интеллигентная дама, прекрасно воспитанная, с правильной речью коренной москвички. Увы, увы, сейчас в столице такую редко можно услышать. Все эти «я приехал из Украины», «в самое ближайшее время», «оплата за электричество» – это же ужас какой-то. И глаголы «ложить» и «покласть» мало кого смущают. Намедни я слышал по телевизору, как один весьма известный деятель культуры, актер, сказал с экрана: «Ихние дела меня не волнуют». Ихние! Неужели ему в театральном вузе не объясняли, что надо говорить: «Их дела меня не волнуют»? Хотя, возможно, сей господин «университетов не заканчивал». Да и что взять с лицедея? В былые годы их хоронили за оградой кладбища, как и самоубийц.

Я решительно прервала болтливого доктора.

– Мне очень неприятно сообщать вам скорбную весть, но Тихон Матвеевич и Антонина Ивановна мертвы.

Моисеенко, склонив набок голову и явно думая о чем-то своем, бормотал:

– Ткачевы наконец-то поехали отдыхать. Я давно советовал Тихону расслабиться. И вот…

Роман Наумович осекся.

– Что? Нет! Скажите, что вы ошибаетесь!

– К сожалению, вашего друга нет в живых, – продолжила я. – И его жены тоже.

Моисеенко потер лоб.

– Что случилось? У Тихона был инсульт?

Я рассказала ему о происшествии на дороге, о внезапной кончине Антонины Ивановны и поинтересовалась:

– Почему вам пришла в голову мысль об инсульте?

Роман Наумович отвернулся к окну.

– Я же врач. Не кардиолог, но у меня диплом медвуза, защищенные кандидатская и докторская диссертации. Да, я занимаюсь детьми, но, понимаете, взгляд врача… Вот смотрю я на вас и сразу вижу: вы регулярно занимаетесь спортом. Лишнего жира у вас нет, мышцы упругие. Характер позитивный. Особых проблем со здоровьем нет. Иногда болит голова слева, это доставляет вам значительное неудобство.

Моисеенко встал и бесцеремонно ткнул мне пальцем в затылок:

– Вот здесь.

– Точно. Как вы догадались? – удивилась я.

Роман Наумович опять сел в кресло.

– У вас тяжелая мужская работа, а женщинам нельзя ловить преступников, возиться во всей этой грязи. Вы начальница, но, полагаю, над вами есть вышестоящий шеф, который постоянно предъявляет к вам требования. Поэтому вы

нервничаете, и в шейном отделе позвоночника происходит зажим. А по тому, как вы сейчас держите голову, я понял, где эпицентр боли. Это не мигрень. Вам повезло, мигрень-то не лечится. А с вашей напастью можно справиться: массаж, расслабление, обязательный выходной день с приятным времяпрепровождением. И забудьте про диету, это стресс. Переедать не надо, но в выборе пищи себя не ограничивайте. Главное – ешьте и получайте удовольствие.

Я улыбнулась.

– С головной болью вы угадали. Она иногда возникает именно в том месте, на которое вы указали.

– Я видел у Тихона проблемы с давлением, – продолжал Роман Наумович, – он краснел, часто нервничал, у него сложилась не самая приятная обстановка дома.

– Трения с женой? – предположила я.

– С Антониной они жили душа в душу, – возразил собеседник, – а в последнее время их отношения стали еще нежнее. Прямо Ромео и Джульетта! Если Тоня звонила мужу, то он прерывал даже заседание клуба, выходил из комнаты. Но у Ткачева был хорошо поставленный голос преподавателя, приученного читать лекции в большой аудитории, шептать он не умел, и мы прекрасно слышали, как наш председатель воркует с женой: «Да, дорогая. Конечно, непременно привезу. Куплю тебе суши с угрем. Да, именно с угрем. Разве я мог забыть, что ты любишь?» Я ему в такой момент всегда завидовал. Прожить в браке много лет и сохранить свежесть

чувств! Это не всякой паре удается. Из моих знакомых почти ни у кого нет того, что называется семейным счастьем.

– Я знаю много людей, у которых прекрасные семьи, – возразила я.

Роман Наумович прищурился.

– Мы говорим о разных вещах. Согласен, во многих семьях есть уважение друг к другу, общий бюджет, совместные хлопоты по воспитанию детей. Супруги вместе с друзьями и родней отмечают праздники, достигли некоего финансового благополучия, обзавелись квартирой, дачей, машиной, ездят за границу, они положительны со всех сторон. А где любовь-то? Просто мы видим мужчину и женщину, которые впряглись в повозку под названием «семья» и тянут ее изо всех сил по ухабистой дороге жизни. Но! Приносит ли супруг жене цветы и конфеты просто так? Спешит ли каждый вечер домой, потому что предвкушает встречу с любимой, или его влечет туда привычка? В том смысле, что куда еще идти-то? А Тихон ворковал с Тоней так, словно они вчера поженились. Не я один испытывал нехристианское чувство черной зависти. Помню, по лицу Семена Кузьмича тоже пробегала тень.

– Но вы сказали, что Тихон Матвеевич нервничал из-за обстановки дома, – напомнила я.

Роман Наумович вздернул подбородок.

– Кроме жены у него еще был сын. Я мало что знал о личной жизни Ткачева. Уже говорил – Антонину Ивановну ред-

ко видел, в гостях у супругов не бывал. Да, мы плотно общались с Тихоном по делам общества, раз в неделю встречались и пили чай, разговаривали. Но все это происходило исключительно в музее, мы там говорили лишь о том, как нам привлечь новых членов. Планов было громадье, и вдруг…

Глава 10

– Сейчас заварю вам «Синюю звезду», любимый чай Тихона.

Моисеенко встал и пошел к шкафу, продолжая говорить:

– Некоторое время назад Ткачев попросил меня срочно приехать в музей, дескать, поговорить надо. Я не удивился, так как у общества возникли трения с одним новым членом, полагал, что председатель хочет приватно обсудить со мной создавшееся положение. Мы сели на кухне, но речь пошла об ином.

Хозяин клиники снова поставил передо мной кружку, на сей раз жидкость в ней оказалась серо-бурого цвета, и лимона не было. Я сделала вид, что невероятно увлечена беседой, поэтому не вижу чашку, и уставилась во все глаза на Моисеенко. А тот продолжал рассказ.

…Роман Наумович слегка смутился, когда понял, что приятель впервые решил поделиться с ним своей личной проблемой – Тихон Матвеевич был зол на гражданскую жену сына.

Когда Нина впервые вошла в квартиру Ткачевых, она понравилась и Тоне, и Тихону – симпатичная девятнадцатилетняя девушка, скромно одетая, без вызывающего макияжа. Но когда сели пить чай, гостья попросила:

– Положьте мне вон того тортика.

Тихон с женой сделали вид, что не заметили глагол «положьте», и начали деликатно расспрашивать ее. Услышанное их насторожило: отца нет, мать пьет, жилье – комната в коммуналке, учится на парикмахера. Ткачевы не были снобами, но Тихон – кандидат наук, преподавал в вузе, а Антонина Ивановна служила в музее и тоже имела высшее образование, являлась специалистом по реставрации рукописей. Сын их Юра поступил в Строгановку, хоть и вопреки воле родителей. И вот у них в доме появилась особа, которая говорит «положьте»!

– Мама, Нина у нас пока поживет, – заявил Юра, когда Антонина недвусмысленно намекнула, что скоро полночь. – Ей некуда идти, дома мать гудит с мужиками.

– Хорошо, – неожиданно согласился Тихон Матвеевич.

Когда парочка удалилась в спальню Юры, Тоня налетела на мужа:

– Как ты мог? Понимаешь, чем они сейчас заниматься будут?

– Ну и прекрасно, – хмыкнул Тихон. – У парня до сих пор подружки не было, ему пора мужчиной стать. Они оба совершеннолетние, пусть друг от друга удовольствие получают.

– Нам такая радость в семье не нужна! – встала на дыбы жена.

– Глупышка, – засмеялся супруг, – Юра к ней скоро интерес потеряет. То, что с дерева в руки свалилось, уже не интересно. А вот запретный плод сладок. Карательными мера-

ми мы ничего не добьемся, Юра нас не послушает, ему женщина нужна. И хорошо, что они дома, у нас ничего плохого не случится. Хуже, если сын начнет не пойми где шататься, а там водка, сигареты, наркотики, проститутки. Дружки ему укол предложат, подцепит от шлюхи болезнь. А в собственной квартире безопасно.

Но получилось не так, как рассчитывал Тихон Матвеевич. Парочка стала жить вместе, а через два года выяснилось, что Нина всех обманула, она до сих пор несовершеннолетняя. Потом родился ребенок…

Несколько лет Ткачевы кормили нахлебников, но когда Нина опять забеременела, терпение родителей лопнуло. Ну сколько можно работать на здоровых молодых лентяев? Случилось резкое выяснение отношений, Тихон вспылил и выгнал парочку…

Доктор встал и направился к картине, висящей между книжными шкафами. Я воспользовалась тем, что он находился спиной ко мне, и опять вылила чай в цветочный горшок. Моисеенко тем временем говорил:

– Молодые повели себя отвратительно. Не стоит рассказывать, как они приезжали в дом родителей и мазали дверь их квартиры фекалиями, как звонили на работу Тихону и Антонине, жалуясь, что те жестоко обращаются с родственниками, выкинули их с маленьким ребенком на улицу. Было все, даже обращение в полицию. Но пойти на отчаянный шаг Тихона Матвеевича сподвигнул грабеж.

– Грабеж? – повторила я.

Доктор обернулся.

– Да. Накануне нашей беседы кто-то ночью влез в музей и украл самый дорогой экспонат. Тихон Матвеевич приобрел его в понедельник, а в среду раритет исчез. Сейчас…

Договорить врач не успел – дверь кабинета открылась, внутрь вбежала худенькая девочка в джинсах. Волосы она зачем-то выкрасила под седину, на носу у нее сидели большие очки в темной оправе.

– Рома, – закричала она, – где Сеня?

– Простите, пожалуйста, – забубнила появившаяся следом администратор Наталья. – Я объяснила Екатерине Андреевне, что вы заняты, но…

Моисеенко не стал злиться.

– Ничего, все в порядке. Сейчас налью Катюше чайку, она посидит в нашей гостевой, подождет, пока я завершу беседу…

– Нет! Не хочу там сидеть одна! – затопала ногами девочка и уронила очки.

Они оказались прямо у моих ног, я наклонилась, подняла их, протянула владелице и лишь тогда в деталях рассмотрела ее лицо. Екатерина давно вышла из детского возраста, седина в ее шевелюре вовсе не была делом рук колориста, а появилась вследствие возраста. Дама, похоже, справила шестидесятилетие. Просто она субтильная, невысокого роста, а ведь, как известно, маленькая собачка до старости щенок.

– Сеня так и не появился дома, а ты предлагаешь мне наливаться твоим омерзительным пойлом? – заголосила гостья. Затем показала на меня пальцем: – Пусть она подождет. К какой бабе он поехал? Немедленно говори!

Администратор хихикнула, но тут же замаскировала смешок под кашель. Моисеенко зыркнул на подчиненную, и та мигом убежала.

Роман Наумович хлопнул ладонью по столу.

– Катя, успокойся!

По моему опыту говорить «Не волнуйтесь», «Не нервничайте», «Успокойтесь» женщине, которая впала в истерику, совершенно бесполезно. Эти слова не приведут ее в чувство, наоборот, сподвигнут на новые подвиги.

Гостья подбежала к столику, схватила мою пустую кружку, изо всей силы швырнула ее на пол… И ничего! Чашка осталась целой. Екатерина, не ожидавшая такого поворота, удивилась, а Роман Наумович сказал:

– Катя, я хочу познакомить тебя с Татьяной Сергеевой, начальницей особой бригады.

Скандалистка обрушилась в кресло, перевесилась через подлокотник, дотянулась до меня и схватила за руку.

– Найдите Сеню! Он точно у бабы. Выясните, кому он с мобильного в последнее время звонил, почитайте эсэмэски. Вы же можете это сделать?

– Без крайней необходимости нет, – возразила я, вырывая свою ладонь из цепких пальцев обезумевшей от ревности да-

мы.

– Катя, погоди, ты же сейчас должна быть в командировке? – воскликнул Роман.

Гостья визгливо рассмеялась.

– Вот! Ну да, пресловутая мужская солидарность… Както раз я в два часа ночи, разыскивая изменщика, обзванивала его дружков с вопросом: «Сеня у тебя?» И что? Один ответил: «Да, но он уже спит». Второй оказался более оригинален: «Прости, я простыл, попросил Семена с собакой выйти. Когда вернется, позвонит тебе». Да, Роман, я летала в Ижевск. А ты Сене бабу нашел?

Моисеенко издал протяжный вздох.

– Катя, в тот день, когда ты мужа искала, он где нашелся? В больнице. Поскользнулся, упал, ногу сломал, не хотел тебя волновать, поэтому не позвонил. Знал же, что ты в очередной командировке. Ну зачем тебя нервировать? Вот и предупредил только нас. Да, я тебе соврал, но по просьбе Сени, который о твоей нервной системе беспокоился. Ты, когда в Москву вернулась, гипс на его ноге видела?

– Да, – нехотя согласилась скандалистка. И тут же снова завелась: – Но я отлично поняла: ты специально лангетку ему нацепил – чтобы я поверила сказке про перелом!

Роман Наумович закатил глаза и посмотрел на меня, словно ища спасения от неуправляемой бабы.

– Я нахожусь здесь по печальному поводу, – сказала я в ответ на его зов о помощи. – Екатерина, вы знали Тихона

Матвеевича Ткачева?

– Конечно, – фыркнула ревнивица, – это создатель идиотского общества, которое Сене дороже семьи.

– Господин Ткачев скончался, – сообщила я.

Жена Семена Кузьмича на секунду притихла. Но потом заорала с утроенной силой:

– Что? Скончался? Насмерть? Целиком помер?

Ну и как ответить на эти вопросы? Ткачев чуть-чуть умер, но частично жив?

Дверь в кабинет снова открылась, появилась Наталья.

– Звали, Роман Наумович?

– Нет, – буркнул шеф.

Администратор испарилась.

– Произошло ДТП, – пояснила я, – Тихон Матвеевич не справился с управлением.

– А где мой Сеня? – сиреной взвыла Екатерина. – Где?

– Простите, не знаю, – вздохнула я.

Она схватила один из дипломов со стены и бросила его на пол.

– Ткачев умер? И фиг с ним! Ищите моего мужа! Где мой Семен?

– Немедленно прекрати хулиганить, – разозлился Моисеенко, – иначе тебя арестуют.

– Да? – взъярилась истеричка. – Но я не ощипываю родителей больных детей, не беру по двадцать штук в валюте за операцию. На меня с неба денежный дождь не льет. А ты,

мерзавец, людей грабишь!

– Нет у меня в клинике таких цен, – рассвирепел Моисеенко. – Откуда ты взяла эту цифру?

– Из интернета! – взвизгнула Екатерина. – Одна маменька на Фейсбуке объяснила: я заплатила две евродесятки грабителю-хирургу, который моему Володе…

– Врымзов! – возмутился Роман. – Верно, у него столько насчиталось. Татьяна, двенадцатилетний подросток без царя в голове решил прокатиться на электричке. Снаружи! Понимаете! Встал на какую-то железку, торчащую из последнего вагона, и помчался вместе с поездом. А на повороте упал. Но видно, Господь идиотов бережет, парень жив остался. Только лицо – буквально всмятку. Кости поломаны, носа нет, уши оторвало, скальп сняло… Я как увидел, с чем работать предстоит, так впервые за многолетнюю практику испугался. Год возился с парнем! В конце концов он теперь внешне вполне симпатичный мальчик. Да, двадцать тысяч, но это за серию операций и расходный материал – импланты в подбородок, ушные раковины, имитирующие настоящие… Никто, кроме меня, не брался за восстановление его лица, пацану предстояло жить чудовищем. Один я рискнул. И как поступила мамаша дурака? Начала мою клинику во всех соцсетях поливать.

– Ага, ты врешь! – продолжала визжать Катерина. – Все знают, сколько ты в карман кладешь!

– При чем тут плата за операции? – вышел из себя хирург.

– А при том! – взвилась Екатерина. – Ты врун! И гад! Немедленно дай телефон бабы, с которой спит Сеня!

Дверь кабинета открылась, из приемной послышался голос Натальи:

– Нет, нет, не ходите туда…

– Чушь, мне на это время назначена консультация. Не намерен ждать, – возразил приятный баритон, и порог переступил стройный мужчина.

Смотрели старый советский фильм «Человек-амфибия»? Роль Ихтиандра в нем сыграл Владимир Коренев. Артист был так хорош собой, что не передать словами, в него на следующий день после показа фильма влюбилось все женское население СССР, от младенцев до бабушек. Впрочем, мужчины тогда потеряли голову из-за красавицы Анастасии Вертинской, исполнившей главную женскую роль. Даже достигнув пенсионного возраста, актер и актриса не потеряли своей удивительной красоты. Так вот, сейчас передо мной стоял двойник Коренева в возрасте примерно сорока лет.

– Сволочь! – не переставала орать Екатерина. – Гад ползучий! Бабник! Мерзавец!

Продолжая выплевывать ругательства, она одним прыжком оказалась у письменного стола, схватила настольную лампу с бронзовой подставной и метнула ее в пришедшего. «Коренев» ухитрился увернуться. Осветительный прибор просвистел в паре сантиметров от его лица, через открытую дверь кабинета вылетел в приемную, откуда незамедлитель-

но раздался грохот и донесся отчаянный женский крик:

– Мама!

– Так тебе и надо! – азартно закричала Екатерина. – Привыкла подслушивать, подсматривать, вот и огребла в рыло! Не боись, Наташка, шеф тебе всего-то за двадцать тыщ евро новый нос пришпандорит…

Глава 11

– Как дела? – спросил Иван, когда я вошла в квартиру.

– Беседа с Моисеенко прошла бурно, – ответила я. – Сейчас расскажу…

Продолжение фразы застряло в горле. В прихожую, где я, не ожидая никаких опасностей, снимала курточку, медленно вошла иссиня-черная пантера и села на пол.

– Мамочки… – пискнула я и выскочила на лестницу, не забыв захлопнуть за собой входную дверь.

Но створка тут же открылась.

– Тебе не холодно босиком-то? – заботливо спросил муж. – На-ка тапочки. Что случилось?

Я пыталась унять сердцебиение.

– П-пантера…

– Пантера? – недоуменно повторил Иван. И рассмеялся: – А-а-а… Значит, ты, дорогая, увидела хищника и смоталась, оставив любимого мужа ему на растерзание. В принципе правильная тактика: зверь слопает Ваню, заморит червячка, значит, не тронет Таню.

– Я не бросаю своих, – пролепетала я, – сам погибай, а товарища выручай.

– Ну, на нашей работе надо исповедовать другой принцип: сам с товарищем не погибай, а дело делай, – прищурился Иван.

– Мы сейчас не на службе, – начала оправдываться я. – И я не хотела удирать, само вышло. Ой, Иван!

– Что, дорогая? – поинтересовался муж.

– Мози и Роки! Кровожадная тварь их сожрет! – перепугалась я. – Скорей звони в службу отлова диких животных!

Супруг обнял меня и погладил по голове.

– Все хорошо, он мирный.

– Это самец? – попятилась я. – Говорят, самцы намного свирепее самок.

Иван прижал меня к себе.

– Кто говорит? Где говорит? Когда говорит? Кому говорит? Всякий раз, услышав фразу, которая начинается со слов «Говорят, что…», мне хочется попросить: «Покажите мне человека, который толкнул сию речь». Танюша, я ничего не могу сказать по поводу самцов и самок, может, в дикой природе первые в самом деле свирепее вторых, но в мире людей женщины хитрее и по-житейски умнее мужчин, а в плане жестокости и способности причинять близким моральные страдания, по части злости и коварства они далеко обошли сильный пол. Примеров тому тьма. Мужик пришел домой, застукал спутницу жизни в постели с любовником, схватил табуретку, опустил ее прелюбодеям на головы, убив их одним махом, и сам в окно выпрыгнул. А как поступит представительница прекрасной части человечества, увидев в спальне своего супруга в объятиях любовницы? Нет, за стулья-табуретки женщина хвататься не станет. Она осторожненько

приоткроет дверь, глянет в щель, увидит, что изменщик в постели резвится с ее лучшей подругой, и на цыпочках уйдет. Потом сделает вид, что ничего не знает. А через некоторое время с ласковой улыбкой отравит соперницу. Но мужа не тронет – он-то еще нужен. Были у нас с тобой похожие дела.

Я выдохнула, Иван разжал объятия.

– Хорошо, что ты успокоилась. Танюша, это не пантера, а Альберт Кузьмич.

– Кот? – ахнула я. – Они не бывают размером со слона.

– У страха глаза велики, – рассмеялся муж, – до слона кошаку еще расти и расти. До пантеры тоже. Да и вообще Котофеевич не столь уж большого размера.

– Громадина! – заспорила я. – Гигант! Титан! Великан! Циклоп!

– Последний в ряду явно лишний, – усмехнулся супруг, – у котика оба глаза на месте.

– У котика? – повторила я. – Это же котище! Как-то мне не по себе.

Иван открыл дверь в квартиру и втолкнул меня в холл.

– Сейчас познакомишься. Мы с ним уже наладили отношения. Альберт Кузьмич, друг мой, разрешите представить вам Таню, мою жену.

Кот, который и в самом деле оказался довольно крупным, молча изучал меня круглыми желтыми глазами. Я поежилась, взгляд котяры прожигал насквозь.

– Танюша, поздоровайся, – попросил меня муж.

– Привет, – вякнула я.

Иван Никифорович присел около неподвижно сидящего кота.

– Альберт Кузьмич, простите ее, неразумную. Ну откуда моей супруге знать, как нужно общаться с вашим королевским величеством? Вы же проявите к ней милость, а?

Кот задрал морду, я засмеялась.

– Отлично, ты уже разговариваешь с кошаком. Причем на «вы». Что дальше? Запоешь песни вместе с Роки и Мози?

– Он все понимает, – остановил меня Иван.

– Да ну? – еще сильнее развеселилась я. – Бертик, сколько будет дважды два?

Кот отвернулся к стене.

Иван вытянул руку ладонью вверх.

– Альберт Кузьмич, я понимаю, обращение «Бертик» вас обидело. Еще раз прошу извинения. Мы же пожмем опять друг другу руки… э… лапы в знак уважения?

– Ой, не могу! – расхохоталась я. – Спасибо за веселую сцену в конце тяжелого дня. Сейчас котище, конечно же, протянет тебе свою длань!

Альберт Кузьмич медленно повернул голову в мою сторону, и я перестала смеяться. На черной морде явственно читалось, что в данный момент думает кот: «Ты вообще кто такая?» Желтые глаза котофея несколько секунд разглядывали меня в упор, потом зверь поднял правую лапу, пару раз

ударил ею по раскрытой ладони Ивана и оставил ее на руке моего мужа.

– Спасибо, Альберт Кузьмич, – поблагодарил Иван Никифорович, – рад, что у нас с вами опять мир. Не беспокойтесь, Таня скоро поймет свою ошибку.

И тут в прихожую с громким лаем влетели Мози и Роки. Щенята моментально запрыгали по холлу. Мози кинулся к пуфику, на котором стояла моя сумка, столкнул ее на пол и начал бесцеремонно рыться внутри. Роки стащил с вешалки шелковый шарф Ирины Леонидовны и принялся жевать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.